

Бентли Литтл Господство

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141897

Бентли Литтл. Знамение: ООО "Фирма «Издательство АСТ»»; 1998;
1998

ISBN 5-237-00441-5

Оригинал: BentleyLittle, "Dominion"

Перевод:

Л. Г. Мордухович

Аннотация

Наше время... Канули в забвение древние боги, некогда не позволявшие воцариться на Земле хаосу и разрушению. И теперь некому противостоять Тому, кто веками мечтал, затаившись во мгле небытия, возвратиться в этот мир, дабы утвердить в нем свое господство. Запылали дома, вырвались на волю порождения первобытного мрака. Вновь настали дни кровавых, смертоносных оргий, когда зубами рвут плоть и ломают кости жертв, когда вкус вина мешается со вкусом крови...

Содержание

Пролог	4
Часть I	12
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	58
Глава 6	69
Глава 7	80
Глава 8	91
Глава 9	95
Глава 10	105
Глава 11	110
Глава 12	118
Глава 13	126
Глава 14	143
Глава 15	148
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Бентли Литтл ГОСПОДСТВО

Пролог Нью-Йорк, 1920

Это были девочки!

Они все были девочками. Все, черт возьми, до единой.

Он стоял наверху, в самом начале лестницы, и смотрел вниз, в тускло освещенный подвал. А там все кишело новорожденными. Жалобно пища, они шевелились в кровавой, грязной, протухшей воде. Прикованные к стене матери лежали, вяло свесив головы. Они были полумертвые, их голые тела были испачканы кровью и выделениями после родов, меж раскинутых ног все еще торчали тронутые гнилью пуповины.

Он перескакивал глазами с одного новорожденного на другого в надежде увидеть пенис, но не заметил ни одного, только маленькие безволосые расселинки.

Мать была права. Он не мужчина.

Он заплакал. Он не мог справиться с этим. Горячие слезы стыда хлынули из глаз, устремились вниз по щекам, и он испытал еще большее унижение. Он громко всхлипнул, и од-

на из женщин изумленно вскинула глаза. Он разглядел ее сквозь пелену слез. Сознает ли она, что происходит? Впрочем, какая разница — сознает, не сознает. Это его вовсе не заботило.

— Вы, вы во всем виноваты! — визгливо закричал он, обращаясь к ней и к остальным.

Одна из женщин застонала и несвязно что-то пробормотала.

Все еще плача, он вернулся в кухню, открыл дверцу шкафа под раковиной и распутал шланг. Затем пустил воду на полную силу и потащил шланг по полу назад к двери подвала, где швырнул голову этой изрыгающей воду змеи вниз, на лестницу.

Он зальет подвал водой и утопит их всех.

Вода била мощной струей, лилась по ступенькам, устремляясь к лужам грязи там, внизу. Услышав журчание воды, три женщины предприняли слабые попытки поднять свои безвольно болтающиеся головы, видимо, в ожидании ежедневной экзекуции, но поскольку за этим ничего не последовало, их головы снова поникли, а шейные и ручные кандалы издали слабый звон.

Он смотрел, как медленно поднимается уровень воды в подвале, и слезы его тем временем как-то сами собой иссякли. Он вытер глаза. Два, а возможно, и три часа потребуется, чтобы вода в подвале поднялась выше их голов, и тогда они все захлебнутся. Он вернется потом, когда все будет конче-

но. Осушит подвал и уберет тела.

Он прошел на кухню, закрыл дверь, постоял в нерешительности некоторое время, прежде чем направиться дальше в темноту, в узкий коридор, в глубину дома. С улицы до него доносились шум проезжающих автомобилей и громкие крики играющих детей. Он задержался на несколько минут у окна, глядя на газон внизу, и только сейчас осознал, что стоит на том самом месте, где имела обыкновение стоять мать, когда подглядывала за соседями.

Сзади на него давила темнота, он отступил от окна, сосредоточился, медленно сделал глубокий вдох, затем выдох и снова почувствовал себя нормально. Затем он посмотрел на свои руки. Мать всегда говорила, что у него слишком большие ладони, непропорционально большие по сравнению с телом, и он всегда старался прятать их в карманы или за спиной. Теперь же почему-то они уже не казались ему такими громадными, и он подумал, не уменьшились ли они. Ему захотелось, чтобы сейчас здесь, рядом с ним, оказалась мать и чтобы он мог показать ей свои руки и спросить об этом.

Он грустно двинулся по пустому дому, мимо гостиной, по коридору, вверх по лестнице и обнаружил, что, как всегда, направляется в спальню матери.

Спальня матери.

Он сел на красное шелковое покрывало и поднял кандалы, прикрепленные к высокой деревянной стойке в ногах кровати. После того как умерла мать, он ни разу не откры-

вал окно, и в комнате до сих пор сохранился крепкий запах – смесь ароматов вина, парфюмерии и секса. Он глубоко вздохнул, вбирая в себя сладостное благоухание, одновременно приятное и отвратительное, резкое и мускусное, и осмотрелся. Восточный ковер еще хранил пятна крови, оставшиеся с последнего раза. Тогда темно-красные, теперь уже поблекшие и ставшие коричневыми от пыли, они смешались с цветным узором ковра, в результате чего на нем образовался новый рисунок в стиле рококо. На туалетном столике перед огромным зеркалом стояли сплюснутые по бокам пустые бутылки. Испачканное нижнее белье, принадлежащее различным леди и джентльменам, разбросанное по комнате, большей частью было порвано и превращено в тряпки еще тогда, когда его сдирали в пылу страсти с жертв, добровольно пришедших сюда.

Он перевел взгляд на дверь рядом с чуланом, дверь, ведущую в комнату, куда бросали тех, кто не подчинялся.

Он встал, снял с крюка над кроватью длинный медный ключ и открыл дверь. В этой комнате она совершала свои таинства, отправляла свои ритуалы.

Что это были за обряды, сказать точно он не мог, потому что не знал, а она всегда отказывалась открыть ему эту тайну. Он знал только, что они требовали жертвоприношений, больших жертвоприношений. Ему порой приходилось находить для нее по две, три, а иногда и четыре жертвы. Большой частью это были мужчины, но по необходимости и женщи-

ны тоже. И еще он помнил, что эти ритуалы сопровождались шумом. Он часто слышал крики, которые эхом отдавались по коридорам и холлам всего дома, слышал, как падали на пол тела, бились о стену. Они с матерью жили в большом городе. Это хорошо. Иначе о развлечениях матери могло стать известно посторонним. Ведь крики, как их скроешь? Они были бы слышны повсюду. А так жертвы исчезали незаметно, почти никто не обращал на это внимания (он всегда выбирал их правильно), а крики смешивались с шумом улицы.

Мать тем не менее всегда говорила, что отправление ритуалов в этой комнате, а не в специальном месте искажало их цель и не приводило к желаемому результату, что и повлекло за собой его ошибочное рождение.

Он стоял в дверном проеме и медленно обводил взглядом мертвую комнату. По всему полу в беспорядке валялись сломанные кости, когда-то их разбросали в неистовстве и безумии. Кости были чистые, без каких-либо остатков плоти. На расписанных маслом стенах были изображены лес, деревья с тщательно воспроизведенными деталями. Мать уплатила местному художнику внушительную сумму за эту работу, после чего он провел в ее спальне целых два дня.

Наконец он вошел в комнату и глубоко вдохнул. Из-за того, что комната не имела окон, в ней сохранился более крепкий запах. Здесь больше пахло кровью, нежели извращенным сексом, не так приятно, как в спальне. Он прошел вперед, отшвырнув ногой чью-то челюсть. Это он приводил сю-

да жертвы, но ему ни разу не приходилось здесь убирать. После очередного действия, собственно, ничего не оставалось, кроме чистых костей и крови, впрочем, иногда случайно попадались завалявшиеся останки.

Он часто просил мать, чтобы она разрешила ему принять участие в ее ритуалах, но она всякий раз довольно грубо отказывала ему в этом. Только в последний год, после того как перечитала пророчества, мать решила, что он будет продолжать все это после ее смерти. Только тогда она полностью обрела свою веру. Только тогда она сказала ему, что он должен делать.

И вот теперь он очень нуждался в ее совете.

Он вспомнил о новорожденных, там, в подвале. Надо дать им еще часок, а затем пойти и убедиться, что они все утонули.

А потом попытаться снова.

А что еще оставалось?

Он очень сожалел, что у него больше нет жертв. А как было хорошо, когда он привел их сюда, когда бил их и заставлял подчиняться своей воле, ощущая при этом, как поднимается горячая животная страсть. Он почувствовал себя настоящим сыном своей матери.

Но он еще найдет их, так же как нашел этих, и возьмет их таким же самым способом и заставит произвести детей.

И если они снова не принесут ему мальчика, он будет пытаться снова.

И снова.

В подвал он возвратился час спустя. Женщины все захлебнулись – он смотрел на их волосы, плавающие на поверхности грязной кровавой воды, похожие на скрученные, изогнутые лилии, но... дети все еще были живы и весело плескались.

Он остановился в шоке. Этого не может быть!

В бешенстве он сбежал по лестнице и прыгнул в холодную, темную воду. Схватил голову ближайшего ребенка и опустил вниз. Внезапно острая боль обожгла указательный палец, он вскрикнул, отпрянул назад, позволяя ребенку всплыть. Это существо его укусило! Он помахал рукой, пытаясь унять боль, снова погрузил ребенка в воду и на сей раз с удовлетворением отметил, что на ее поверхности появились маленькие пузырьки.

И тут же почувствовал боль в ягодице. Повернув голову, он увидел, как один из новорожденных вцепился в него своей клешнеобразной ручкой. Другой ребенок отщипнул кусочек мяса от его руки, прокусив зубами плоть до кости.

Остальные дети, громко плескаясь, двигались к нему. Возбужденные, с маленькими оскаленными зубастыми ртами – но ведь *у новорожденных не может быть зубов*, – они все устремились к нему. Его охватил страх, но, ничего пока не понимая, он позволил первому приблизившемуся ребенку сильно укусить себя в живот. Он вскрикнул от боли, а когда маленькие пальчики вцепились ему в промежность, подвал

огласился громким воплем.

Сколько их здесь, этих новорожденных? Он не мог припомнить. У одной из женщин, кажется, была двойня. Он споткнулся о ящик, находившийся под водой, и отпихнул его, пытаясь прорваться к лестнице. Прямо перед ним всплыла маленькая отвратительная головка младенца, и тонкие ручки вцепились ему в лицо. Он отшвырнул ее прочь – как и все остальные, это была девочка, – но она успела цапнуть его слишком большую ладонь.

– На помощь! – закричал он неожиданно высоким голосом. Это был женский голос.

Он не был мужчиной.

– На помощь!

Но никто не слышал.

И дети – *его дети* – увлекли его за собой.

Часть I

Глава 1

Они уезжали, навсегда покидали Месу.¹ Утро было очень жарким. Солнце еще не тало, а столбик термометра поднялся уже до цифры восемьдесят.² Дион знал, что скоро эти бледные сумерки прояснятся и наступит обычное августовское утро, а в полдень зажжется рекламный щит на боковой стене Национального банка.

Он помог маме отнести к машине последние оставшиеся вещи – чемодан с туалетными принадлежностями из ванной, пакет, наполненный продуктами, чтобы поесть в дороге, термос с кофе, – затем остановился рядом с задней дверцей машины, наблюдая, как она закрывает дверь дома в последний раз и опускает ключи в почтовый ящик. Они уезжали... Это было так странно, и тем не менее он с удивлением ощутил, что мысль о неминуемом отъезде не вызывает у него никакого сожаления. Он ожидал, что будет ощущать какую-то потерю, чувствовать себя покинутым, одиноким, но он не чув-

¹ Меса – городок в Аризоне, недалеко от Финикса, столицы штата. – Здесь и далее примеч. пер.

² Восемьдесят градусов по Фаренгейту соответствуют примерно двадцати семи по Цельсию.

ствовал ничего.

Одно это должно было бы привести его в уныние.

Его мама стремительно прошагала к машине. На ней был тонкий хольтер-топ,³ который едва прикрывал большую грудь, и шорты, слишком узкие для женщины ее возраста. Но она и не выглядела на свой возраст. Совсем даже наоборот. Приятели уже давно намекали, что она для них – настоящий секс-символ, что такую они никогда еще не встречали. Дион не знал даже, как на это реагировать. Одно дело, если бы речь шла о какой-то посторонней женщине, чьей-то тетке, например, или кузине, но это же была его собственная мама...

Порой ему хотелось, чтобы его мама была толстая и некрасивая и носила старомодные вещи, как и положено даме средних лет, как делали все остальные матери вокруг.

Мама открыла для него заднюю дверцу машины, и он влез внутрь, вытянулся на сиденье и вытащил для нее защелку передней двери водителя. Устраиваясь поудобнее за рулем, она подняла глаза и улыбнулась ему. По густому слою косметики на правой щеке струились мелкие капельки пота, но она их не вытерла.

– Я думаю, мы сделали все, – произнесла она бодро.

Дион кивнул.

– Ну, ты готов?

– Наверное, да.

³ Хольтер-топ – предмет женской одежды типа верхней части купальника.

– Тогда двинули. – Она включила зажигание, завела машину, и они тронулись.

Их мебель была уже переправлена в Напу,⁴ а им самим сейчас предстояло двухдневное путешествие.

Ехать по восемнадцать часов подряд они не собирались, поэтому на ночлег намеревались остановиться в Санта-Барбаре, а продолжить путь на следующий день. В их распоряжении будет немногим больше недели, чтобы распаковать все вещи и устроиться, прежде чем у него начнутся занятия в школе, а мама пойдет на работу.

Они обогнули университет и поехали мимо площади К, там, где он вчера вечером распрощался с приятелями. Он смотрел в окно и чувствовал странное смущение. Прощание было каким-то неловким не потому, что он волновался, а как раз наоборот, потому что был совершенно спокоен. Дион собирался хотя бы обняться с ребятами на прощание, сказать им, как много они для него значат, как ему будет их не хватать, но вдруг понял, что ничего подобного он не ощущает, и после нескольких робких, неловких попыток каждой из сторон пробудить в себе нечто похожее на эти чувства они наконец прекратили тщетные потуги и расстались, как и обычно, как будто завтра увидятся снова.

«Никто из них, – вспомнил он, – даже и не пообещал писать».

Теперь же, задним числом, он испытывал подавленность.

⁴ Напа – город в винодельческом районе на севере Калифорнии.

Они въехали в университетский комплекс и двигались по направлению к шоссе. Он смотрел на проносящиеся мимо знакомые улицы, знакомые магазины, на заветные местечки, где любил бывать, и с трудом верил, что они действительно уезжают, действительно покидают Аризону.

Ему хотелось взглянуть на университет в последний раз, попрощаться с его корпусами, аллеями, велосипедными дорожками, где он провел так много уик-эндов, но их машина попала в «зеленую волну», и они так быстро проскочили весь этот район, что насладиться милым его сердцу видом даже не представилось возможности. И вот университет остался позади.

У Диона все время теплилась надежда, правда, слабенькая, что когда-нибудь он попробует сюда поступить, но, глядя правде в глаза, следовало признать – единственное, что могла позволить себе мама, так это отправить его в бесплатный государственный колледж. Нет, сюда ему все равно бы никогда не попасть.

Еще несколько минут, и они оказались на шоссе.

Полчаса спустя на фоне поднимающегося оранжевого солнца уже не было видно ни одного здания.

* * *

Они мчались вперед на полных оборотах, лишь изредка останавливаясь по обоюдному желанию в местах отдыха.

Первый час пути, а может быть, и больше, они провели в молчании, слушая радио. Каждый был погружен в свои мысли, но вдруг их неподвижность и безучастность стали непереносимыми – уж больно ритмичной была музыка. Дион включил приемник. Молчание, которое пару минут назад казалось нормальным и естественным, внезапно стало давящим и напряженным, и он откашлялся, решив предпринять попытку спросить о чем-нибудь маму.

Но она заговорила первой.

– Опять в нашей жизни наступают перемены, – произнесла мать, глянув на него. – Это не очень хорошо для нас обоих. Придется начинать сначала. – Она сделала паузу. – Или, вернее, я должна буду начинать все сначала.

Он почувствовал, что краснеет, и отвернулся.

– Нам нужно поговорить обо всем. Я знаю, это трудно. Я знаю, это тяжело. Но очень важно, чтобы мы понимали друг друга. – Она попыталась улыбнуться, что ей почти удалось. – Я за рулем, и тебе придется слушать. Никуда не денешься.

Он нерешительно улыбнулся ей в ответ. Без особого энтузиазма.

– Я знаю, что огорчаю тебя. И уже не в первый раз. Так было много раз. Слишком много. Но ведь и для меня тоже это каждый раз сильное разочарование. Опять обманутые надежды. Я никогда не была тебе такой матерью, какой должна была быть или какой ты хотел бы видеть меня.

– Это неправда, – начал он.

– Это правда, и мы оба это знаем. – Она грустно улыбнулась. – Я тебе вот что скажу: для меня нет ничего более мучительного, чем видеть в твоих глазах огорчение, когда я теряю очередную работу. В эти минуты я себя ненавижу и каждый раз твержу себе, что такого больше не повторится, что все изменится к лучшему, что... Но ничего не меняется. И я не знаю почему. Не уверена, что и ты... это знаешь. – Она посмотрела на него. – Но теперь все действительно изменится. В Калифорнии мы начнем новую жизнь, и я стану совсем другой. Вот увидишь. Я знаю, мне не следует сейчас ничего говорить, лучше доказать тебе на деле. И я докажу. Все. С прошлым покончено. Все осталось позади. Это новый старт для нас обоих, и, надеюсь, он окажется счастливым. Мы постараемся. Хорошо?

Дион кивнул.

– Хорошо? – спросила она снова.

– Хорошо. – Он посмотрел на дорогу, на поляны и сагуаро,⁵ мелькающие за окном. Все, что она сказала, звучит здорово, и, вне всяких сомнений, мама будет стремиться это сделать, она верит в это, но... эти слова ему немного знакомы. Он вдруг подумал, а не взяла ли она их из какого-нибудь фильма. Он ненавидел себя за такие мысли, но в прошлом мама не раз заводила подобные разговоры, с такой же убежденностью утверждала, что на этот раз все изменится и все

⁵ Сагуаро – высокий кактус с длинными горизонтальными ветвями; служит в тех местах источником строительного материала и дает вполне съедобные плоды.

такое прочее, но все говорилось только затем, чтобы сразу же, после очередной вечеринки, на которой она встречала нового мужика с подходящим содержимым в штанах, отказаться от благих намерений.

Он вспомнил Кливленд, вспомнил Альбукерк.⁶

Они молчали, пока снова не сделали остановку. Дион вышел из машины, потянулся, а затем наклонился к капоту автомобиля.

– Я не понимаю, почему мы поехали именно в Напу, – сказал он.

Мама поправила свой хольтер-топ и нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что не понимаешь почему? Я получила там работу, вот почему.

– Но ты могла найти работу в любом другом месте.

– Ты что-то имеешь против Напы?

– Нет, но это... в общем, не знаю.

– Так все-таки что?

– Ну, мне кажется, у людей обычно бывают какие-то соображения, когда они куда-то переселяются. – Он посмотрел на нее и покраснел. – Я имею в виду, когда переезжают в какое-то определенное место, – добавил он поспешно. – Ну, к примеру, у них там родственники, или они выросли там, или просто любят эти места, или не хотят оставлять фирмы, где работают, или... ну, в общем, в таком духе. Но у нас-то

⁶ Кливленд – порт в штате Огайо, на озере Эри на севере США; Альбукерк – город в центральной части штата Нью-Мексико на юге США.

вообще нет никаких оснований переезжать.

– Дион, – сухо проговорила она, – замолчи сейчас же и садись в машину.

Он усмехнулся:

– Замечательно. Замечательно.

Ночь они провели в мотеле номер шесть в Санта-Барбаре, сняв однокомнатный номер с двумя односпальными кроватями.

Дион лег рано, сразу же после ужина, и немедленно заснул. Ему снился коридор, длинный, темный коридор, в конце которого виднелась красная дверь. Он медленно пошел вперед, чувствуя, что пол под его ногами мягкий, вязкий и какой-то неустойчивый, но в то же время он отчетливо слышал стук своих каблуков о твердый каменный настил. Он продолжал двигаться, глядя прямо вперед, боясь посмотреть направо или налево. Когда он достиг двери, ему не хотелось ее открывать, но он все-таки открыл ее и сразу увидел лестницу, ведущую наверх.

Прямо по центру лестницы, сверху, спускался ручеек крови.

Он начал подниматься, глядя под ноги, пытаясь определить, откуда течет кровь. На лестничной площадке он повернулся и направился дальше вверх. Теперь струя стала гуще и бежала быстрее.

Достигнув следующей площадки, он увидел красивую белокурую девушку примерно его возраста. Она сидела на

верхней ступеньке. Девушка приветливо ему улыбнулась. Ее прямые волосы были завязаны в узел на макушке, и... она была совершенно голая.

Его глаза прошли по ее телу, молочно-белой груди и дальше к широко раскинутым ногам. Из затененной расщелины между бедрами сочилась бесконечная лента крови, которая каскадом стекала со ступеньки на ступеньку. Он медленно приблизился к ней. Она дотронулась до него, показывая жестом и как бы вынуждая положить голову ей на колени, и когда он снова посмотрел ей в лицо, то увидел, что она превратилась в его маму.

* * *

Они уехали рано утром, до рассвета, сделав остановку на завтрак в маленьком городишке Солванг, где-то милях в сорока от Санта-Барбары. Это место было хорошо известно туристам. Солванг скорее всего построили датские переселенцы, поскольку в местной архитектуре чувствовалось влияние Скандинавии. Многие напоминало сказки – датские ветряные мельницы, шведские цветники и прочая дребедень. Они ели в кафе, где столики были выставлены на улицу, и Дион заказал нечто под названием «бельгийская вафля» – огромную квадратную вафлю, начиненную свежей клубникой и взбитыми сливками. Хотя сон, увиденный накануне, его все еще тревожил, их отъезд из Аризоны он воспринимал

сегодня гораздо спокойнее и все глядел вверх на проплывающие в голубом небе облака, на окружающие городок зеленые волнистые холмы. Он знал, что до Напы ехать еще восемь часов, но в его представлении она выглядела примерно так же, как и Солванг – маленький, симпатичный городок. В первый раз он подумал, что понимает, почему мама захотела переехать в винодельческий район на севере Калифорнии.

А затем они снова двинулись в путь, взяв с собой белый шоколадный пакет, наполненный датскими сладостями, чтобы полакомиться в дороге. Местность становилась более пологой и пустынной, вначале это показалось даже привлекательным, но вскоре однообразие начало надоедать, и Дион, убаюканный мерным шумом двигателя, заснул.

Пробудился он перед обедом и следующий час пути до Сан-Франциско уже не спал. Мама, по мере приближения к Напе, становилась все более возбужденной и разговорчивой. Ее энтузиазм передался и Диону: он почувствовал, что с нетерпением предвкушает момент, когда они подкатят к порогу своего нового дома.

Открывшаяся перед глазами панорама Напы разочаровала Диона. Он ожидал увидеть небольшой городок, окруженный веселенькими зелеными фермами, этакое приятное местечко с оркестровой эстрадой в парке и церковь со шпилем на городской площади. Вместо этого первое, что они разглядели сквозь сизый, пропитанный смогом воздух, был

«Бергер Кинг»⁷ на площади и рядом заправочная станция «Эксон». А кроме этого, взгляду и вовсе остановиться было не на чем. Он посмотрел в окно. Ни намек на ферму, ни даже на увитую виноградом беседку или хотя бы на типовые дома, какими застроены улицы почти всех маленьких городов. Он посмотрел на маму. Она продолжала казаться счастливой, восторженной, возбужденной, но его собственное настроение от какого-то странного предчувствия было испорчено. Они ехали через город, и он вдруг ощутил непонятную тревогу и страх, это чувство каким-то образом напомнило ему о вчерашнем сне.

Ощущение это нарастало, когда они проезжали торговый центр, центральные кварталы и туристские места. Машина свернула на север, дома попадались все реже и реже. На его состояние повлиял даже не пейзаж, простирающийся за окном, вернее, не только он. Диону казалось, что откуда-то сверху на него вдруг обрушилась огромная эмоциональная тяжесть. Это было гнетущее, неопределенное чувство, которое усиливалось по мере приближения к их новому дому.

Десять минут спустя они были там.

Дион медленно вылез из машины. Этот дом был симпатичнее, чем у них в Месе. Намного симпатичнее. Вместо маленького навеса для автомобиля и примыкающего к нему сарая, который был у них в Аризоне, стоял прекрасный га-

⁷ «Бергер Кинг» – распространенный в США тип закусочных наподобие «Макдоналдса».

раж из отличного дерева. Вместо небольшого дворика, посыпанного гравием с растущими на нем кактусами, здесь весь двор был засажен кустарником и аккуратно подстриженными деревьями. Вместо неказистого домишки, похожего на смятую пачку из-под печенья, они увидели небольшое, но приятное сооружение из дерева и стекла, как будто сошедшее со страниц «Архитектурного дайджеста». Дом располагался на плоском месте между невысокими горами, которые окружали долину. Это был настоящий городской участок, но поскольку он находился в отдалении от дороги, то напоминал небольшое, ухоженное фермерское хозяйство.

Мама улыбнулась.

– Как тебе здесь нравится? Это кое-кто из нашего офиса помог мне выбрать. Я все правильно рассчитала. Ну, так как?

Дион одобрительно кивнул.

– Здорово.

– Мы будем здесь счастливы, как ты думаешь? Он нерешительно кивнул.

– Думаю, что да.

И с удивлением обнаружил, что верит в это.

Глава 2

До чего же хорош здесь август!

Всего неделя прошла, а кажется, они живут здесь уже несколько лет. Напа стала им ближе, чем когда-либо была Меса.

Она стояла у кухонного окна, попивая кофе, наблюдая, как Дион подстригает лужайку позади дома. Он был раздет до пояса, вспотел. Неожиданно она подумала, что если бы этот юноша не был ее сыном, то можно было бы попытаться его соблазнить. Он превратился в очень симпатичного молодого человека.

Как интересно узнать, каким он будет, когда станет совсем взрослым! Неужели как его отец?

Но в том-то и дело, что она не помнила, как выглядел его отец.

И даже более того – не знала, кто его отец.

Она улыбнулась самой себе. Омаха. Там было полно мужиков. И постоянных любовников, и на одну ночь тоже. Она никогда не применяла никаких контрацептивов. Презервативы и спирали ей не нравились, потому что она не терпела никаких помех, препятствующих полному контакту, а регулярно употреблять противозачаточные пилюли у нее никогда не хватало терпения. В общем, она верила в удачу, или судьбу, или во что-то еще и принимала вещи такими, какие

они есть.

И она была рада, что забеременела. Она была рада, что родила Диона. Она не знала, что было бы с ней сейчас без него. «Умерла бы, наверное, – предположила она. – Превысила бы дозу. Или бы очередной хахаль прикончил».

Сын развернул газонокосилку и начал двигаться к дому. Увидев ее в окне, помахал. Она помахала в ответ.

В дороге Дион спрашивал, почему они едут именно в Напу, и она не нашлась, что ему ответить. Почему они направлялись сюда? Как он правильно утверждал, не было абсолютно никакого резона начинать новую жизнь непременно в этом месте. У нее здесь ни знакомых, ни родственников, а специальность такая, что работу можно найти в любом среднем или даже маленьком городе. Она сказала ему, что здесь не хуже, чем в любом другом месте, что ей просто захотелось уехать подальше, но правда состояла в том, что...

Она была *позвана*.

Позвана. Именно так она об этом думала. С точки зрения здравого смысла это был полнейший абсурд, но она подчинилась душевному порыву. В воскресном приложении к журналу «Аризона рипаблик» она увидела статью о винодельческой долине в Калифорнии и почувствовала, что район этот ее притягивает, буквально «тащит» к себе. В течение двух недель, пока в ней зрела идея о переезде, она была нервозна и беспокойна. Идея эта вторгалась в ее повседневные мысли, и временами ей казалось, что она сходит с ума. Наконец она

приняла решение перебраться туда. Все выглядело так, будто внутренний голос говорил ей, что она *должна* переехать в Напу. Вначале она с этим боролась, но в конце концов сдалась. Она всегда доверяла своим инстинктам.

Конечно, сюда ли, или еще в какое другое место, но они все равно должны были уехать. В любом случае у нее уже не было выбора. Из банка она ушла не по собственному желанию, как сказала Диону. Ее уволили и пригрозили судебным преследованием. Дион, хотя и делал вид, что верит ей на все сто, наверняка что-то подозревал и, возможно, догадывался о большем, чем она открыла ему. Однако она все же сомневалась, что его догадки были хоть сколько-нибудь близки к тому ужасному, что являлось правдой. И беда в том, что мальчику только шестнадцать и, если все всплывет, он будет серьезно и надолго, а может быть, навсегда травмирован. Совершенно понятно, что, если бы в эту историю не вмешался управляющий банком, она наверняка сидела бы сейчас в тюрьме или находилась под следствием.

«И что со мной не так? – удивлялась она. – Почему со мной постоянно приключаются такие вещи? И ведь я пыталась жить нормальной жизнью. Пыталась. Наверное, это все моя дурость».

Как только она делала попытку пойти прямой и верной дорогой, всегда находился кто-то или что-то. Это подстерегало ее за углом и сбивало с истинного пути. Но и сама она вовсе не была безупречной. Большая часть всего, что с ней

случалось, происходило из-за ее ошибок. Она сама виновата. Казалось, над нею тяготел какой-то рок, судьба все время отказывалась ей улыбнуться.

Ну а теперь это все позади. На этот раз все будет иначе. Она не станет приниматься за старое, забудет прежние привычки. Первый раз в жизни она собирается стать для Диона такой матерью, о какой он мечтает. Такой матерью, какую он заслуживает.

Она сделала последний глоток кофе, вытряхнула осадок в раковину, а затем прошла в спальню, чтобы переодеться.

Глава 3

– Ну что, сегодня первый день?!

Дион кивнул и сел за стол завтракать. Перед ним стоял кувшин с апельсиновым соком, два тоста с ореховым маслом и два вида каши, на выбор. Он взглянул на маму, стоящую у плиты и наливающую себе в чашку кофе. Она была заметно взволнована. Особо разговорчивой она бывает только в двух ситуациях – либо когда ее вынуждают к этому, либо когда очень сильно обеспокоена. Обычно они завтракают в молчании – каждый погружен в свои мысли.

Сегодня же новая жизнь начиналась для них обоих.

– Ты волнуешься?

– Не очень.

– Честно?

– Больше боюсь, чем волнуюсь. – Он налил себе стакан сока.

– Тебе вовсе нечего бояться. Все идет прекрасно.

Он выпил сок.

– А ты не нервничаешь?

– Немного, – призналась она, садясь на стул рядом с ним.

Он заметил, что она надела легкое облегающее платье, которое подчеркивало, что она не носит лифчика. – Но ведь, по-моему, очень естественно слегка волноваться поначалу. Наверное, после первых десяти минут будет казаться, что ты

здесь уже всю свою жизнь.

«Для тебя возможно», – подумал Дион, но не сказал ничего. Он хотел бы быть немного похожим на маму, хотя бы иногда.

А ей хотелось хотя бы немного быть похожей на него.

– Давай же, – сказала она, – поторопись с едой. Я подвезу тебя до школы.

– Не надо. Я дойду сам.

– Ты так хочешь?

Он кивнул.

– Стесняешься, что мамочка подвозит тебя, да? – Она улыбнулась. – Понимаю. Ну, в таком случае тебе тем более надо поторопиться. Ведь туда пешком минут пятнадцать или двадцать, я думаю.

Он положил себе в тарелку кашу.

– Хорошо, может быть, сделаем так: ты подвезешь меня только часть пути.

Она засмеялась.

– Договорились.

* * *

Здание школы было выложено из красного кирпича. Такие редко встречаются в жизни, чаще в кино. Вернее, только в кино. В двухэтажном главном корпусе с широкими коридорами размещались и классные комнаты, и администра-

тивные помещения. Сзади располагалось футбольное поле. К главному корпусу примыкало строение с башней и часами, где находился актовый зал. Спортзал находился от этих двух зданий на некотором расстоянии. Он был построен значительно позже, но из-за серого бетона выглядел гораздо безобразнее, нежели остальные сооружения.

Дион стоял на противоположной стороне улицы, ожидая звонка и одновременно страшась его. Во рту было сухо, ладони вспотели, и он проклинал тот день, когда маме пришла в голову сумасбродная идея уехать из Аризоны. Он всегда испытывал неловкость при знакомстве с новыми людьми. Круг его приятелей в прежней школе, в Месе, был весьма ограничен, а ведь он проучился там довольно долго. Перейти в новую школу, начинать все с самого начала... это будет очень непросто.

Во всяком случае, хорошо, что это не в середине учебного года. Он благодарил судьбу хотя бы за это. Было бы значительно хуже, если бы ему предстояло войти в класс, в котором уже все освоились, где отношения установились и сцементировались по крайней мере на год. А так он начнет занятия вместе со всеми. Конечно, он будет новеньким, но в какой-то степени на равных с остальными. У него есть шанс. Наверное, и еще кто-то придет из других школ в это лето. Они, как и он, станут искать, с кем познакомиться.

Дион перешел улицу и по ступенькам поднялся в здание. Первый день в новой школе всегда страшновато, но одновре-

менно и интересно. В Напе он не знал абсолютно никого, и это означало, что ни у кого не было о нем предвзятых мыслей. То есть за ним ничего не тянулось, никакого хвоста. Он был для всех чистым листом бумаги и, сообразуясь с обстоятельствами, мог изобразить на этом листе все, что хотел. Немного вранья, соответствующая одежда, и вполне возможно выдать себя за спортсмена, или рубаху-парня, или... в общем, за кого угодно.

Теоретически.

Дион криво усмехнулся. Он знал себя довольно хорошо, чтобы претендовать на заметное место в школьной иерархии. Атлетом он не был, писанным красавцем тоже, на роль школьного забавника или клоуна не годился. Он был достаточно развит, но не настолько, чтобы это гарантировало ему всеобщее признание. Сколько бы ни старался он себя переделать, какую бы маску ни пытался надеть, все равно его подлинная натура всегда побеждала.

Популярной личностью и всеобщим любимчиком он никогда здесь не станет.

Но как раз именно это его и устраивает. Все в порядке. Он привык к такому положению.

Дион стоял у входа в классную комнату и внимательно изучал ее номер, чтобы еще раз убедиться, туда ли попал. Он прекрасно знал, что это тот самый, его класс, но все равно решил действовать с предельной осторожностью. Потому что в первый раз. А то, чего доброго, перепутаешь, попадешь

не туда, придется вставать, уходить, приходиться... Мимо уже шли в класс ребята, они обходили его, некоторые слегка задевали. Он тешил себя надеждой – конечно, это глупо, но все же хотелось верить, – что эта школа в Напе окажется такой, какие бывают в комедийных сериалах, где доброжелательные одноклассники, заметив его смущение и неловкость, будут прикладывать все силы, чтобы он почувствовал себя как дома. Нет, такого счастья ему не видать как своих ушей. Уже сейчас было видно, что его игнорировали. Его просто не замечали.

Чувствуя, что потеет, он вошел в класс и быстро осмотрелся, чтобы оценить обстановку. Все парты по центру были заняты, осталось только несколько мест в последнем ряду. Ну и конечно, весь первый ряд был полностью свободен.

Он отправился назад.

Там легче спрятаться.

Устроившись на средней парте из трех пустующих прямо за угрюмым на вид парнем в грязной футболке и сильно накрашенной девицей с латиноамериканской внешностью, Дин окинул глазами класс. Он ожидал, что ребята здесь будут покруче, чем в Месе. Все-таки Калифорния. Но окружавшие его школьники выглядели довольно провинциально. Почти все. Разве что у ребят волосы были чуть длиннее, а девочки на первый взгляд более небрежны. Очевидно, последняя волна моды, которая прошла через Финикс и устремилась в Южную Калифорнию, только краешком задела северную

часть «золотого» штата.⁸

Дион просмотрел расписание занятий: американская политика, алгебра, классическая мифология, мировая экономика, история рок-музыки и английский. Он выбрал стандартные дисциплины, которые необходимы при подготовке для поступления в колледж.⁹ Единственный предмет из всего перечня, который обещает хоть какое-то развлечение, – это история рок-музыки. Остальные – обычные книжные академические курсы, хотя лучше уж пусть будет мифология, чем иностранный язык. Из двух зол приходится выбирать меньшее.

Хорошо, что хоть физвоспитание в этой школе не обязательный предмет. Это пока единственное, что его порадовало. В спорте он больших успехов не достиг, и это его всегда смущало.

Ничем особенно не примечательный парень с белокурыми волосами средней длины бросил книги на парту и сел рядом. Его глаза безразлично скользнули по Диону.

– Привет, – с улыбкой произнес Дион.

Парень посмотрел на него и фыркнул:

– Здравствуй, здравствуй, х... мордастый. Так ведь, кажется, тебя зовут?

⁸ «Золотой» штат – рекламное название Калифорнии.

⁹ В выпускных классах американских школ ученики сами определяют предметы, которыми будут заниматься; наряду с дисциплинами по выбору есть также и обязательные.

Дион думал всего секунду, прежде чем решиться броситься в атаку.

– Ты прав, именно так меня назвала твоя мама прошлой ночью.

Парень смотрел на него несколько мгновений, а затем рассмеялся и внезапно стал похож на одного из героев телесериала.

Итак, вот он, его первый приятель в Напе.

Если, конечно, смех этот правильно понят.

– А на самом деле как тебя зовут? – спросил парень.

– Дион.

– А я Кевин. А это, – он сделал приглашающий жест, охватывающий комнату, – наша преисподняя.

* * *

Не так уж все оказалось плохо. Предмет, конечно, скучный, зато учитель вроде бы хороший, а поскольку сегодня первый день занятий, преподаватель отпустил их пораньше.

– Ты куда сейчас направляешься? – спросил Кевин, когда они вышли в коридор.

– На алгебру.

– Ну что ж, давай, давай.

– А что у тебя сегодня?

– Английский. Потом классическая мифология, потом физо, потом история рок-музыки, а потом экономика.

– Похоже, у нас с тобой вместе будут еще два общих урока, – сказал Дион. – Мифология и история рок-музыки.

Кевин нахмурился.

– Что значит «вместе»? Что значит «у нас с тобой»? Кто мы с тобой, по-твоему, такие? Два педика, что ли?

– Я не имел в виду... – начал Дион, заволновавшись.

– Не суетись, приятель, и смахни пыль с ушей, – отозвался Кевин, покачав головой. – Я пошел. – Он двинулся вперед по коридору и исчез в толпе, которая начала выливаться из дверей классов, когда прозвенел звонок.

Дион тупо стоял и молчал. По-видимому, он совершил какую-то ошибку, нарушил какие-то традиции, характерные для этих мест, субкультуры, перешел некую грань, сказал неправильное слово, причем в неподходящий момент, и тем самым обидел нового приятеля. Весь урок математики Дион просидел огорченным. Но когда час спустя на уроке мифологии он занял свободное место у окна, Кевин сел рядом как ни в чем не бывало.

По-видимому, резкая выходка Кевина была здесь вполне обычным явлением. По-видимому, так здесь принято.

Надо бы это запомнить.

Дион внимательно рассматривал присутствующих. Кевин следовал за его взглядом и комментировал каждую персону, которая попадала в поле его зрения, кратко сообщая незначительные сведения и сплетни, обрисовывая их личные причуды, но сразу же замолк, когда вошел учитель. Мистер Хол-

брук – высокий, тощий мужчина с костлявым птичьим лицом – положил свой портфель на стол и направился прямо к доске, где начал писать крупными печатными буквами свою фамилию.

А за несколько секунд до преподавателя в классе появилась девушка в модном школьном платье. Девушка... из сна Диона.

Дион протер глаза и задержал дыхание. Сходство было поразительное, но он тут же отметил и некоторую разницу. У вошедшей выющиеся волосы свободно спадали на плечи, а у той, во сне, они были прямые и завязаны в узел. И тем не менее сходство налицо. Его взгляд проследовал за девушкой. Она села на свободное место во втором ряду. Она была симпатичная, можно сказать красивая. Да нет же, она была просто прекрасна. В ней чувствовалась некоторая сдержанность, или, точнее сказать, скрытая внутренняя скромность, почти застенчивость, что делало ее еще более привлекательной и выгодно отличало от ее копии во сне.

Он хотел спросить Кевина, кто это такая, но по тишине, царящей в классе, строгому виду учителя у доски было ясно, что разговоры сейчас неуместны.

Дион смирился с тем, что весь длинный час придется провести в неведении. Зато можно на нее смотреть. Кратко представившись, мистер Холбрук сделал перекличку, и Дион выяснил, что ее зовут Пенелопа. Пенелопа Адамом. Какое славное имя! Традиционное, банальное, старомодное –

называйте как хотите, но он сразу понял, что оно ему очень нравится.

Как и все остальные, Пенелопа оглядывалась на того, чье имя называли, и Дион, еще не осознавая почему, начал нервничать. Просто список приближался к букве «С».

– Семел, – провозгласил учитель. – Дион.

– Здесь, – отозвался молодой человек. Он уставился на парту, не решаясь взглянуть на нее. Когда мистер Холбрук произнес следующую фамилию и Дион наконец поднял голову, ее внимание было переключено на того ученика.

«Какие у нее легкие, воздушные движения», – подумал он.

Время тянулось медленно, преподаватель что-то монотонно бубнил, и Дион, отключившись от этого неразборчивого рассказа, остановил свой взгляд на затылке Пенелопы.

«Может быть, завтра ухитрюсь сесть поближе», – промелькнуло в голове.

Как бы долго ни длился урок, но звонок все же прозвенел, причем неожиданно и громко. Дион медленно поднялся со своего места, глядя, как Пенелопа собирается и берет свои книги. Когда она встала, на ее не очень тесных брюках сохранился отпечаток ее ягодиц.

Кевин заметил объект внимания Диона и покачал головой.

– Ты слишком торопишься причалить к берегу острова Лесбос, приятель.

Дион удивленно посмотрел на него.

– Что?

– Она предпочитает филейную часть.

– Филейную? Я что-то не понял.

– Не понял, не понял. Кость, которая у тебя в штанах, ей не нужна. Теперь понял?

– Ты врешь.

Кевин пожал плечами.

– Я просто называю вещи своими именами.

– Она не может быть лесбиянкой.

Кевин небрежно схватил за рукав проталкивающегося мимо них к двери паренька, вернее сказать, тяжеленного парня, державшего в руках всего лишь одну тонюсенькую папочку.

– Хэнк, как насчет Пенелопы Аданем?

Здоровяк ослабился.

– Это специалистка по девочкам.

Кевин отпустил рукав Хэнка и повернулся к Диону.

– Понял?

Лесбиянка, Ну просто не укладывалось в голове, но и не верить он тоже не мог. Дион смотрел, как она выходит из класса и исчезает в переполненном холле. Лесбиянка. Как все удивительно. Ему еще никогда не приходилось встречаться с девушкой, такой красивой и с такими странными наклонностями, но теперь придется покрепче разогреть свое воображение, чтобы представить ее обнаженной, да еще и в

постели с женщиной. Чем они там занимаются? На это его фантазии не хватало. Он мог мысленно нарисовать себе подобную картину только в общих чертах.

– А впрочем, можешь попробовать, – предложил, уходя, Хэнк. – Поработай ручками в штанишках. Во-первых, это всегда помогает. А во-вторых, когда она увидит твой оттопыренный банан, возможно, будет твоя.

– Да, – добавил Кевин. – Но имей в виду, когда спустишь штаны и она увидит, какая там у тебя венская сосиска торчит, ты, конечно, такого пендаля под зад получишь, что «мама» не успеешь сказать.

Дион засмеялся. Филе, банан, венская сосиска. Ему нравилось, как изобретательно в этой школе определяют всякие непристойности. В Аризоне парней всегда называли либо «козел», либо «солоп», а девчонок «стервами», основным же существительным, характеризующим все остальное, было «дерьмо». Например, погода была либо жаркая, как дерьмо, либо холодная, как дерьмо; человек был либо тупой, как дерьмо, либо умный, как дерьмо; работа была тяжелой, как дерьмо, либо легкой, как дерьмо. В Месе слово «дерьмо» могло означать совершенно противоположные качества человека или какого-то события.

Здесь же язык был богаче и ярче, интереснее и, можно даже сказать, культурнее.

Наверное, и люди тоже.

Ему уже нравилось жить в Калифорнии.

- Пошли, – сказал Кевин, – поедим чего-нибудь.
- Дион кивнул.
- Отлично. Веди.

Глава 4

Автобус подвез ее прямо к воротам. Пенелопа переложила книги в левую руку, достала ключ, открыла черный ящик и правой рукой набрала кодовую комбинацию. Ворота винного завода медленно пошли вбок. Теплый послеполуденный воздух смешивался с терпким ароматом свежесобранного винограда. Это повисшее над землей опьяняющее благоухание было таким крепким, что его не мог развеять даже легкий ветер. Глубоко дыша, по извивающейся асфальтовой дорожке она направилась к дому. Запах винограда Пенелопа любила больше, чем любой другой: больше, чем глубокий, сильный дух только что отжатого сока или терпкого аромата бродящего вина, когда начинается процесс ферментации. Ей приходилось слышать, что память обоняния самая сильная, что обонятельные ассоциации содержат в себе наибольшую эмоциональную силу, и она верила этому. Так, естественный аромат только что собранного винограда всегда ассоциировался у нее с детством, веселыми счастливыми ощущениями, не связанными ни с какими особенными, определенными событиями. Уже в который раз она подумала, как хорошо, что ее матери владеют этим винным заводом.

Шла она медленно. Впереди искрились блики солнечного света на стеклах и металлических корпусах автомобилей, оставленных на стоянке. Справа от нее, на винограднике,

несколько групп поденных рабочих собирали первый урожай винограда. Она знала, в последующие несколько недель количество рабочих значительно увеличится, и в начале октября их будет столько, что яблоку негде будет упасть.

Одна из женщин, работавшая ближе к дорожке, перестав срезать гроздья, посмотрела на нее. Пенелопа улыбнулась и помахала ей рукой, сборщица вернулась к работе, даже не кивнув девушке в ответ. Смущенная Пенелопа поспешила, вперед. Ей было известно, что большая часть рабочих были иностранцами-нелегалами, и мало кто из них говорил по-английски. За ними следил строгий, специально нанятый управляющий, задача которого заключалась только в том, чтобы заставлять их работать с полной отдачей. Конечно, нанимать нелегалов противозаконно, но мать Марго, похоже, такие пустяки не заботили. Она помнила, как однажды поинтересовалась о ежедневной заработной плате этих людей. Ее мать ответила кратко: «Достаточно».

Но Пенелопа сомневалась в этом. И видимо, именно поэтому многие поденные рабочие ее не любят. Она никогда не обижала их, даже словом плохим не обмолвилась, но они, вероятно, считали, что она такая же, как и ее мамочка.

С другой стороны, люди, работавшие на винном заводе постоянно, относились к ней, как к принцессе, как к особе королевской крови, принимали ее слишком серьезно и как-то по-особенному.

А в общем, никто здесь не относился к ней нормально,

как к обычному человеку.

Низко над головой парила чайка с гроздью полусохшего винограда в клюве. Девушка внимательно проследила за направлением ее полета: птица пронеслась над стоянкой машин, над зданиями завода к невысоким горам позади него и устроилась, наконец, на каком-то дереве в центре леса.

Лес.

Посмотрев в сторону леса, туда, где деревья обозначали границу их владений, она почувствовала, как по коже поползли мурашки. Пенелопа быстро отвернулась и поспешила к дому.

По территории их большого хозяйства ей позволялось ходить куда угодно. Она давно облазила и обошла все, что могла, знала здесь каждый угол, но еще с тех пор, когда она была маленькой, ей строго-настрого запрещали входить в лес. Ей неоднократно повторяли и внушали одно и то же: в лесу опасно, там много диких зверей, там водятся страшные волки и пумы. Однако она ни разу не читала и не слышала, чтобы в этих местах на человека напал хоть какой-нибудь зверь. Разумеется, в долине Напы случались происшествия. Недалеко от Ясного озера, например, несколько лет назад голодный горный лев напал на трехлетнюю девочку и покалечил ее, а около озера Берриесс медведи сильно напугали туристов. Пенелопа не раз видела, как во время уик-эндов в лес по многочисленным тропинкам направлялись отдыхающие. И все было спокойно.

Девушка понимала, что ей не разрешалось ходить в лес из-за отца.

Такой строгий и неукоснительный запрет должен был бы побудить ее сбежать в лес при первой же возможности. Наверняка большинство ее приятелей так бы и поступили. Но было в этом лесу что-то, что вызывало в ней чувство инстинктивного страха, чувство, которое существовало у нее уже давно, еще до того, как матери начали пугать ее грозящей опасностью. Каждый раз, когда она смотрела через забор, опутанный колючей проволокой, отгораживающий заднюю часть их владений, в сторону видневшихся за лугом деревьев, Пенелопа чувствовала, как у нее поднимаются волосы на затылке, а руки покрываются гусиной кожей.

Страх и теперь охватил ее. Она мгновенно выбросила эти мысли из головы, быстро прошагала по дорожке, взлетела по ступенькам, проскочила между двумя дорическими колоннами, вбежала в холл с высоким потолком и дальше мимо лестницы, прямо на кухню.

Громко объявив: «Я пришла», – она бросила свои книги на колоду для рубки мяса и открыла холодильник, чтобы взять банку коки.

Из кладовой, вытирая руки о передник, выглянула мать Фелиция. Она выглядела усталой и бледной, а темные круги под глазами выделялись сегодня сильнее, чем обычно.

– Ну, как все прошло? – спросила она. – Как твой первый день?

– Все было прекрасно, мама, – улыбнулась Пенелопа.

– Просто прекрасно и все? Не удивительно, не захватывающе интересно, не изумительно, а просто прекрасно?

– А чего ты хочешь? Это ведь только первый день.

– А как учителя?

– Еще не знаю. Трудно сказать, пока не закончится первая неделя. – Она посмотрела в окно кухни на здание винного завода. – А где все?

Мать Фелиция пожала плечами.

– Сегодня как раз начали отжимать виноград. Ты же знаешь, этот день всегда хлопотный.

Пенелопа кивнула, удовлетворенная тем, что здесь нет остальных ее матерей. Она постаралась объяснить матерям, что она уже в выпускном классе, что уже почти взрослая, и просила хотя бы раз не создавать никакой проблемы из ее похода в школу. По-видимому, они поняли ее намек.

– Появились ли у тебя какие-нибудь новые приятели, знакомые? – продолжила мать, моя руки над раковиной.

– Я виделась с Веллой, а также с Лианой и Дженифер.

– Я спросила о новых.

Пенелопа покраснела. Она допила свою коку и бросила пустую банку в мешок для мусора у плиты.

– Я понимаю, на что ты намекаешь. Так вот: нет. Из мальчиков я пока ни с кем не познакомилась. И видимо, на этой неделе свиданий у меня не предвидится. Но ведь это только первый день, чего же ты ожидаешь?

– Я не имела в виду...

Пенелопа вздохнула.

– Я знаю. Но не беспокойся, выпускной вечер еще только через восемь месяцев.

– Это вовсе не то, что я хотела...

– Что хотела?

Ее мать попыталась беззаботно рассмеяться, но эффект оказался обратным – смех получился искусственным.

– Не имеет значения. Мы поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

– Хорошо. – Пенелопа снова посмотрела в окно, радуясь, что пока нет никаких признаков появления остальных матерей. – Если я тебе буду нужна, я в саду.

– А у тебя что, нет домашних заданий?

– Мама, это же первый день. Сколько раз нужно тебе повторять? В первый день заданий никогда не бывает. И даже всю первую неделю.

– Когда я училась, у нас были.

– Времена меняются. – На полке стояла ваза с фруктами. Пенелопа взяла оттуда яблоко, левой рукой прихватила свои книги и уже была готова взбежать по лестнице наверх, в свою комнату, чтобы оставить там книги, когда ее остановил голос матери:

– Разве ты не хочешь остаться и повидаться с остальными твоими матерями?

Пенелопа повернулась кругом. Облизнула губы.

– Я бы предпочла сделать это попозже, – заметила она.

– Сегодня был твой первый день в школе. Это ведь выпускной класс. Им интересно, что там произошло. – Она положила руку на плечо Пенелопе. – Они беспокоятся. Мы все беспокоимся.

– Хорошо, – отозвалась Пенелопа.

Мать ласково потрепала ее по плечу.

– Брось ты все это, – улыбнулась она дочери. – Пошли.

Мать Марго, одетая во все черное, как и обычно, сидела за массивным столом в своем кабинете и разговаривала по телефону, отчитывая кого-то на другом конце провода. Она коротко кивнула Пенелопе и матери Фелиции, а затем продолжила свою обличительную речь.

– Единственное, чего я ожидаю, – сказала она ровным твердым голосом, – это, что вы будете точно и корректно исполнять свои обязанности, для чего вы и были наняты. Если такие требования для вас слишком трудны, наша фирма найдет более эффективный и действенный способ сбывать свою продукцию. Я ясно излагаю?

Мать Фелиция села на темный кожаный диван у стены и подала знак Пенелопе сделать то же самое. Пенелопа замотала головой, продолжая стоять.

Мать Марго повесила трубку, затем холодно и осторожно, даже с излишней осторожностью, водворила телефон на место и только после этого, напряженно улыбнувшись, посмотрела на Пенелопу. В ее глубоких коричневых глазах и глянце

черных волос отражался свет.

– Я полагаю, твой первый день в школе прошел удовлетворительно?

Пенелопа кивнула, избегая ее взгляда.

– Да, мэм.

– Ты довольна уроками? Учителями?

– Думаю, что да...

– Если нет, я сделаю так, чтобы тебя перевели. Это твой выпускной год, и важно, чтобы ты смогла повесить свой рейтинг.

– С уроками у меня все в порядке.

– Это хорошо, – проронила мать Марго и повторила: – Это хорошо.

Пенелопа ничего не сказала. Некоторое время все три сидели молча.

– Есть что-нибудь еще, что бы ты хотела мне сказать? – спросила мать Марго.

Пенелопа покачала головой.

– Нет, мэм.

– Тогда я хотела бы заняться работой. Спасибо, Пенелопа, что зашла.

Ее отпустили. Разговор был окончен. Мать Фелиция встала.

– Я предлагаю тебе пойти повидаться с остальными матерями.

– Постарайся в этом году, – сказала мать Марго. – Сделай

так, чтобы мы тобой гордились.

Пенелопа еще раз кивнула и проследовала за матерью Фелицией к выходу из кабинета. Когда они вышли в коридор, она почувствовала, что вспотела.

Мать Шейла отправилась на виноградники, чтобы взять образцы урожая, остальные матери находились в дегустационной, в главном здании, надзирая за проведением анализов собранного утром винограда. Бригада, проводившая анализы, сидела за длинным лабораторным столом, обращенным к окну. Они исследовали виноградное сусло, чтобы иметь предварительные результаты оценки качества продукта этого года.

– Пенелопа вернулась! – объявила мать Фелиция, прикрывая за собой белую дверь.

Мать Маргарет о чем-то тихо беседовала с двумя лаборантками. При звуке голоса Фелиции все три подняли головы, рассеянно улыбнулись, помахали руками и продолжили разговор. Однако мать Дженин немедленно прекратила свое занятие и поспешила к ним. Ее каблуки на шпильках громко простучали по кафельному полу. Пенелопа почувствовала, что вся напряглась. Дженин подошла к ней, обвила руками и крепко прижала к себе. Объятие было слишком долгим и несколько не материнским, и Пенелопа с тревогой и волнением задержала дыхание. Как всегда, она пыталась убедить себя, что мать Дженин ее действительно любит и заботится о ней, но внушение и чувство – разные вещи. Что-то тревожа-

щее, беспокойное было в этой ее самой молодой матери, она не могла точно определить, что именно, поэтому как только мать Дженин ее отпустила, Пенелопа сделала шаг назад.

– Я так скучала по тебе, – сказала мать Дженин своим сюсюкающим тоном, по обыкновению обращаясь к Пенелопе, как к маленькой. – Я всегда ненавижу, когда кончается лето, потому что ты должна оставлять нас и возвращаться в школу.

Пенелопа, ничего не ответив, сделала неопределенный жест. На самом деле в последние две недели девушка встречалась с матерью Дженин только за завтраком и ужином и вовсе не думала о том, что эта женщина по ней скучает.

– Ты уже с кем-нибудь познакомилась? Какие-нибудь приятные ребята?

Пенелопа нахмурилась.

– Это ведь только первый день.

Мать Дженин засмеялась, это был странный звук, который плавно переходил от фальцета, похожего на детское хихиканье, к низкому, глубокому смеху женщины.

– Начинать никогда не рано.

– Ага, – согласилась Пенелопа и повернулась к матери Фелиции. – Может быть, мы пойдем, а то мешаем работать?

– Хорошо, – поддержала ее Фелиция.

– Мы поговорим за ужином, – продолжила Дженин. – Я хочу знать обо всем, что случилось, и о том, как ты провела день. – Она слегка сжала плечо Пенелопы.

– Вот видишь? Все получилось хорошо, – обрадовалась

мать Фелиция, когда они шли через широкую лужайку к дому.

Пенелопа сделала гримасу, ничего не возразив.

Мать засмеялась.

Они расстались у кухни.

– Теперь я пойду в сад, – сказала Пенелопа. Она взяла с кухонного стола свои книги и направилась наверх, в свою комнату. Проходя по коридору, неслышно ступая по толстому ковру, она заглядывала в открытые двери спален своих матерей. Девушка в который раз отметила про себя, как удивительно точно их обстановка отражает личность и вкус каждой из женщин. У матери Марго все было практично и величественно. Ярким тому доказательством являлись огромная кровать с искусно выполненной резной дубовой спинкой в головах и большой простой письменный стол с аккуратно сложенными стопками рабочих бумаг. Не отличающиеся белизной стены декорированы оригинальными образцами этикеток фирмы Аданем, окаймленных в рамки. Комната матери Шейлы выглядела более обыденно. Она была обставлена довольно стандартной современной мебелью, которая красовалась на фотографиях каталогов. Единственная висевшая на стене картина напоминала Пенелопе произведения искусства, развешанные в отелях. Покои матери Маргарет были оборудованы смело и, вероятно, наиболее интересно. Здесь сразу бросалась в глаза ультрасовременная кровать. Туалетные столики отсутствовали, а стены украшали живописные

полотна, стилизованные под старину, рядом с которыми соседствовали оригинальные произведения местных молодых художников. Дальше шла комната матери Фелиции, вот где было по-настоящему уютно. В центре размещалась сверкающая металлическая кровать. Убранная кружевами и цветами, антикварными вещами и рукоделием, комната была наполнена светом и воздухом, в котором, казалось, витало добро, и это соответствовало облику ее самой любимой матери.

У матери Дженин мебели не было вообще. Только непокрытый матрас стоял в центре на полу, выложенном красной плиткой. Голые стены были покрашены в темный матовый цвет.

Ей никогда не нравилось сюда заходить.

Пенелопа дошла, наконец, до своей комнаты и бросила книги на постель. Схватила с журнального столика общую тетрадь и ручку, спустилась снова вниз по лестнице, прошла через библиотеку и раздвинула створки стеклянной двери, ведущей в сад. Вернее, в то место, что называлось садом. Для нее же это место было многим больше, чем просто сад. Это был заповедник, убежище, куда она приходила отдохнуть, расслабиться и поразмышлять, где могла побыть одна. Матери, казалось, угадывали ее желание и поощряли приверженность девушки к этому уголку. Изначально, в летнее время они собирались здесь вместе: читали, или принимали солнечные ванны, или просто гуляли, но с годами матери стали

посещать его все реже и реже. Это выглядело так, как если бы они тактично и негласно согласились уступить сад ей во владение. И она была им очень благодарна.

Она оглядела обнесенный стеной квадратный двор. В центре располагался фонтан, точная копия эллинского, обнаруженного среди руин на античной вилле, которую мать Маргарет разыскала во время ее путешествия в Грецию. От фонтана лучами, подобно спицам на колесах, расходились грядки матери Шейлы, на них росли лекарственные травы, кусты редких цветов, овощи и зелень. Между ними были специально установлены различные предметы, имеющие археологическую ценность, и скульптуры народных мастеров, которые матери собирали долгие годы. В саду стояло несколько скамеек, но Пенелопа всегда предпочитала сидеть на бортике фонтана, прислушиваясь к журчанию воды и чувствуя, как брызги светлой водяной пыли оседают на коже рук и лица.

Хотя девушка ничего не сказала Фелиции – и, наверное, никогда не скажет, – но вопрос о сексуальном предпочтении ее матерей сегодня опять поднимался в школе. В прошлом году ее чуть не исключили после драки со Сьюзен Холман, которая назвала продукт, производимый их заводом, «Лесбиянским вином». Сейчас они со Сьюзен учатся в разных классах, и у них нет общих предметов, но в холле после обеда она слышала, как Сьюзен громко сказала что-то о «Предприятии лесбиянок», и ее вульгарные подружки в голубых джинсах истерически захохотали. Пенелопа проигнорирова-

ла эту реплику, продолжая свой путь – она в это время шла в класс, – как будто не слышала. Но она слышала. И это было очень неприятно.

Это всегда было очень, очень неприятно.

Иногда и сама она задавалась вопросом, не являются ли некоторые из ее матерей лесбиянками. И ей становилось еще хуже. Этот слух муссировался в городе уже многие годы, так что перестал казаться уж таким невероятным. Правда, каждая из женщин периодически встречается с кем-то из мужчин, но, насколько ей известно, это является просто прикрытием, попыткой сохранить достойную репутацию в интересах бизнеса. Ни у одной из них ни разу в жизни не было ни одной серьезной связи с мужчинами, как, впрочем, и в ее собственной жизни тоже.

Кроме того, ее матери были... хм, какими-то странными, непонятными не только для посторонних, но очень часто даже и для нее. Как бы ей не хотелось думать обо всем этом!

Особенно о матери Дженин.

Конечно, если бы все они действительно были лесбиянками, то Пенелопа была бы их приемной дочерью. Но это не так. Она была дочерью одной из них. Значит, по крайней мере кто-то из них бисексуален или хотя бы раз имел дело с женщиной.

Пенелопа села, опустив пальцы в холодную воду бассейна фонтана. Она их всех называла «мамами», но знала, что родительница у нее только одна. У нее имелись довольно се-

рьезные соображения по поводу того, кто из них на самом деле ее родная мать. Прежде она делала попытки прямо в лоб спросить об этом каждую из них, но те отказывались это обсуждать. Все они твердили ей одно и то же: в их сообществе не приняты традиционные родственные отношения, как в обычных семьях, поэтому она должна считать каждую из них своей матерью. Но девушка давно заметила, что относятся они к ней по-разному. Некоторые были добры, более открыты и искренни, и она платила им тем же, а к другим относилась иначе.

Самую большую близость Пенелопа чувствовала к матери Фелиции и верила, что именно она – ее родная мать. Аргументы, подтверждающие этот факт, были туманны, срабатывала скорее интуиция, основанная на некоторых наблюдениях, а это было самое важное. Именно мать Фелиция в течение многих лет больше остальных заботилась о Пенелопе, как в физическом, так и в моральном плане. Вот и сегодня именно мать Фелиция осталась в доме, чтобы дожидаться ее возвращения из школы. А то, что она была в переднике и чем-то занималась в кладовой, делая вид, будто очень занята, Пенелопу обмануть не могло. Ее мать была здесь только потому, что ждала ее и хотела знать, как прошел первый день в школе.

И это было ей приятно.

Пенелопа посмотрела в воду на переливчатое, искаженное отражение своего лица. Она была хорошенькая и знала это,

любила смотреть на себя, хоть и не была одержима этим. Она не тратила массу времени на уход за лицом и за волосами, но если ей доводилось проходить мимо зеркала, она неизменно смотрелась. Ей казалось, что собственное, приятное отражение в зеркале успокаивает. Но всегда смущалась, если кто-либо заставал ее за этим занятием.

Иногда Пенелопа задавалась вопросом, не лесбиянка ли она сама? Это было не так уж невообразимо. Находясь с младенческого возраста в исключительно женском окружении, она вполне могла стать «розовой». У нее всегда имелись трудности в общении с мальчиками, поэтому она никогда не делала попыток войти в их крут, как большинство ее ровесниц в подростковом возрасте. По ночам, когда она мастурбировала в постели, ей одинаково нравилось, как ее пальцы чувствуют себя в ее вагине и как ее вагина чувствует прикосновение кончиков пальцев. Она наслаждалась податливой мягкостью, теплой влажностью, даже слабый нажим на стенки вагины средним пальцем, когда она случайно опускала его в открытое пространство, приводил ее в экстаз. Она не могла представить себя дотрагивающейся до тела другой девочки – одна мысль об этом вызывала отвращение, – но разве удовольствие, которое она испытывала, лаская себя пальцами, не делало ее лесбиянкой?

В этом она не была уверена.

Может быть, тот факт, что ей трудно представить себя в романтической ситуации с кем-то вдвоем, не важно, с маль-

чиком или девочкой, означает, что она просто бесполоая?

Она замутила отражение, растворив свое лицо в водяной ряби.

Почему все это так сложно?

Сзади послышался стук. Она повернулась, увидела в окне мать Фелицию – та махала рукой. Пенелопа ответила на приветствие, затем посмотрела вниз, на колени, открыла тетрадь, щелкнула ручкой.

«Сегодня, – написала она, – был первый день моего выпускного года...»

Глава 5

Высокие старинные напольные часы, выстроенные в ряд вдоль стены у двери – их было здесь четыре пары, – пробили шесть. Вик Уильямс поднялся, выключил кассетный магнитофон и прошел за прилавок, чтобы закрыть дверь. День сегодня был длинный, очень длинный. Скучный был день. И не очень прибыльный. Сейчас вроде бы туристский сезон, но с тех пор как он открыл магазин сегодня утром, сюда заглянули только пять человек, да и то никто ничего не купил, только глазели. «Пропал у людей вкус к вещам», – подумал он. Каникулы кончились, начались занятия в школах, и теперь до середины октября торговля будет постепенно идти на спад.

А ведь были времена, когда антикварный бизнес процветал круглый год, когда не надо было даже особенно рекламировать товар, когда даже местные женщины хотели иметь в своих гостиных витражи, а респектабельные мужчины средних лет покупали своим женам на день рождения старинные граммофоны. А вот сегодня антиквариат не в почете. Теперь люди покупают на стены разных там Нагелей и Найманов, искусство ширпотреба, а лучшим подарком ко дню рождения считается телевизор или видеоманитофон.

Вик опустил на окна жалюзи. Очень хотелось есть, но оставалось еще три коробки со стеклом эпохи Великой де-

прессии, которое он приобрел несколько недель назад на распродаже и которое надо было каталогизировать. Конечно, он мог это сделать сегодня раньше, ведь после обеда практически никого в магазине не было, но он ненавидел заниматься разборкой новых приобретений в рабочее время. Это превратилось у него в своего рода ритуал, каждый экземпляр надо было внимательно осмотреть, оценить, зарегистрировать, и, разумеется, для таких занятий вечер подходил ему гораздо больше, чем утро или день.

Ничего, он перехватит гамбургер по дороге домой.

Вик возвратился за прилавок и направился в заднюю комнату, на дверном проеме которой свисали веревочки с наанизанными на них бусами. На полу стояли три коробки. Он поднял большую и перенес на длинный металлический стол, стоявший у задней стены, выдвинул ящик, достал бритвенное лезвие и аккуратно перерезал две липкие ленты, крест-накрест скрепляющие верх коробки. Опустив лезвие на стол, он отогнул створки коробки одну за другой и начал осторожно разворачивать тарелки. Вещи были хорошие. Розовое стекло середины тридцатых годов. Прежде чем бережно поставить изделие на крышку стола, он поднес каждое к свету, проверил, нет ли изъянов, пятен, трещин или царапин.

И вот наконец последняя тарелка поставлена. Он заглянул в ящик. На дне лежала потрепанная книга, попавшая туда, видимо, случайно. На бумажной обложке были видны водяные разводы. «В арбузном сахаре».

«В арбузном сахаре».

Ричард Братиган.

Постой, стой, дай Бог памяти. Он вытащил книгу, стряхнул пыль, перелистал страницы. Половина из них слиплась, видно, книгу облили каким-то напитком. Коричневое пятно на первой странице почти полностью покрывало фотографию, на которой был изображен Братиган, так что его-то как раз совсем не было видно, хотя женщину, стоящую рядом, разглядеть еще было можно. Вику было грустно видеть эту книгу в таком состоянии. Куплена она была – в этом он не сомневался – человеком, принадлежавшим к тому слою общества, который сейчас мы называем «контркультурой». Это был, видимо, молодой человек, полный энтузиазма, ищущий новые идеи. Теперь он скорее всего облысел, обрюзг, ведет скучную жизнь, интересуется только процентными ставками и ценами на векселя, а об этой книге и ее авторе, поверженном идоле, даже не помнит.

Вик бросил книгу в мешок для мусора и тяжело вздохнул. Он приехал в Напу в середине шестидесятых, будучи студентом колледжа, и хотя уже давно носит короткие волосы и rispetably одевается, то есть по сегодняшней моде, он по-прежнему с грустью вспоминает ту далекую теперь эпоху.

Еще бы, ведь он человек того поколения. Конечно, те дни безвозвратно ушли в прошлое даже здесь, в Северной Калифорнии, где до сих пор сохранились небольшие реликтовые колонии бывших хиппи, живущих в перестроенных викторианских домиках. Люди сегодняшнего дня много жестче, грубее, менее чувствительны, причем абсолютно сознательно. Темп жизни сейчас быстрее, меньше времени остается на то, чтобы поговорить с друзьями, меньше времени остается на доброту к ближним, меньше времени, чтобы просто остановиться и понюхать розы.

Это его угнетало.

Прошлым вечером он смотрел по телевизору передачу о вьетнамской войне. Комментатор не моргнув глазом вещал о том, что армия тогда была честнейшей организацией, где все солдаты и офицеры были высокоморальными, с чистыми помыслами. Они мужественно выполняли свой патриотический долг, несмотря на отвратительные протестующие толпы студентов, введенных в заблуждение и к тому же отравленных наркотиками. Он переключил программу, прежде чем она закончилась. Если существует в мире хотя бы одна вещь, которая сводит его с ума, делает его абсолютно невменяемым, так это ревизия истории, которая теперь культивируется средствами массовой информации. Шестидесятые годы при этом представляются как десятилетие анархии, помрачения ума, десятилетие, в течение которого традиционные американские ценности непрерывно обливали грязью бунту-

ющие длинноволосые моральные уроды, накачанные наркотиками, находящиеся в состоянии перманентного помешательства. Господи, неужели люди совсем не помнят, как тогда все было? Черт побери, что случилось с памятью нации? Почему эта память оказалась такой короткой? Да, протестовали, конечно, протестовали – против аморального самодовольства истеблишмента и бессмысленности войны, но была также и доброта, нежность духа, о которой ни звука ни в фильмах о тех временах, ни по телевизору, ни в газетных статьях о прошлом. Да, это было время суматохи и беспорядка, но люди тогда были более открытыми и уступчивыми, они были способны жертвовать, способны доверять друг другу, они были честными и искренними, их наполняла жизнерадостная щедрость. В сегодняшнем прагматическом мире все эти качества кажутся по-чудачески наивными. Он тряхнул головой. Сегодня даже хиппующие – ну те, которые принадлежат к контркультуре, – кажутся обычными материалистами и соглашателями. Они совсем не настоящие, они фальшивые, лажовые, все эти псевдобитники, претендующие на трон. Напялили черные свитера со стоячими воротниками, какие носили в прошлом, и думают, что все в порядке. Они ухватили только то, что лежало на поверхности, какие-то незначительные детали от того движения, серьезность которого им и понять-то не дано.

Да, времена изменились.

Вик поднял пустой ящик и переставил со стола на пол.

Приготовившись его сложить, он услышал в торговом зале какой-то шум, вернее, не шум даже, а звук, как будто кто-то задел то ли стул, то ли стол.

Он нахмурился. Что это может быть? Ведь в магазине никого нет.

Стук повторился снова.

Он встал и вышел к прилавку. Входная дверь – он это немедленно увидел – была закрыта на ключ, жалюзи на окнах опущены. Может быть, Вик не заметил, как сюда забрел какой-нибудь покупатель и прошел сразу в задние ряды? Да, наверное, это было именно так. Человек прошел в отдел мебели и, конечно, не знал, что магазин закрывается. Разумеется, это было так. А как же иначе?

Он услышал шаги, где-то слева, у стенда старого оружия. – Эй! – крикнул Вик. – Кто там?

Никто не ответил, но теперь было слышно, как кто-то продвигается вдоль ряда, удаляясь от прилавка. У него мелькнула мысль, что, пока он закрывал, кто-то намеренно спрятался в одном из сундуков или среди оружия, ожидая его ухода, чтобы ограбить магазин. Здравый смысл подсказывал, что надо позвонить в полицию, но вместо этого он вышел из-за прилавка.

– Кто здесь? – снова крикнул Вик.

С противоположного конца магазина, из темного ряда, заставленного антикварной мебелью, самого дальнего от окна, донеслось пение. Пела женщина.

Вик остановился. Ему стало жутко. Хотя ничего угрожающего не было ни в голосе, ни в самой песне. Это была народная мелодия, и исполнялась она на незнакомом языке. Но неуместность происходящего придавала всему сюрреалистический оттенок.

– Мы закрыты, – произнес он, тут же мгновенно сообразив, как глупо звучат его слова.

Женщина продолжала петь.

С сильно бьющимся сердцем он начал медленно двигаться по направлению к тому месту, откуда доносился звук. «Хотя бы бейсбольную битку надо было захватить, – подумал он. – Хоть какое-то, да оружие».

Но было уже поздно, он уже завернул за угол.

Женщина средних лет была одета в длинное легкое одеяние, напоминающее одежды прошлого. Очевидно, она была пьяна или под кайфом и что-то жужжала себе под нос, закрыв глаза, покачиваясь вперед и назад посередине ряда. Рядом с ней на полу лежала палка, примерно в половину длины половой щетки, с наконечником, который выглядел как небольшая сосновая шишка.

Вик остановился и молча уставился на женщину, почему-то не объявляя о своем присутствии. Она была прекрасна. Ее длинные черные волосы были распущены и восхитительно спадали на плечи и на спину. Даже при слабом освещении он мог видеть, сколь привлекательно ее великолепное лицо, мог отметить классическую линию носа прекрасной

формы, чувственную припухлость губ. Одежда была прозрачная, и под ней у нее ничего не было. Ему были видны темные густые волосы между ее двигающихся ног, контуры ее сосков там, где легкая материя захватывала груди.

Что она здесь делает? Как сюда попала?

Он собирался откашляться и тем самым дать женщине знать, что он здесь, когда ее глаза внезапно резко открылись. Эффект был такой неожиданный и пугающий, что он чуть не подпрыгнул. Ее глаза остановились на нем. В них был голод, жадный голод и какая-то первобытная дикость. Еще минуту назад она казалась ему накачанной наркотиками, теперь же в ее виде ничего не напоминало об этом. Ее взгляд был острым, осмысленным, кристально чистым.

– Я не знаю, как вы сюда попали, – сказал Вик, – но вам следует уйти. – Его голос звучал более повелительно, чем он того хотел.

Женщина снова закрыла глаза и, покачиваясь, запела.

– Вам следует уйти, – повторил Вик.

Улыбаясь, ритмично двигаясь, словно танцуя, женщина направилась вперед и вскоре оказалась прямо перед ним. Она вдруг резко подалась вперед и поцеловала его в губы, причем одна ее рука обвилась вокруг его талии, а другая скользнула в его промежность. Он не привлек ее к себе, но и не оттолкнул. Не зная, как реагировать, он позволил действовать ей, молча уступая, поддаваясь ласкам, когда ее мягкий язык нежно скользнул между его губами. И он почув-

ствовал, что возбуждается. Довольно много времени прошло с тех пор, как он в последний раз был с женщиной в постели, и его телу были приятны даже такие легкие прикосновения. Она слегка сдавила ему там, в промежности.

Затем она оторвалась от него, все еще продолжая что-то жужжать, опустилась на колени и начала расстегивать пояс его брюк.

«Этого не может быть», – подумал он.

«Она сумасшедшая», – подумал он.

«СПИД», – подумал он.

Все это мгновенно промелькнуло в голове, но он оставался на месте. Он хотел уйти, прекратить все это, хотя бы сделать шаг назад – ведь это было так странно, случилось так быстро, – но он стоял, как будто прирос к месту, его тело отказывалось слушать доводы разума.

Она спустила ему брюки, а затем и трусы. Его возбужденный член мелко подрагивал, и она медленно и с большим искусством, за которым чувствовался большой опыт, начала его массировать. Он вдруг обнаружил, что положил свои руки ей на макушку. А волосы ее были гладкие, мягкие, чудесные. Он закрыл глаза.

Ритм изменился. То, что секунду назад было нежным, стало вначале просто агрессивным, затем слегка грубым. Он открыл глаза, посмотрел вниз. Женщина улыбнулась ему, и в выражении ее лица было нечто такое, отчего он почувствовал озноб.

Она плотно обхватила его яички ладонью, а затем быстрым резким движением дернула и оторвала с корнем.

Вик вскрикнул, вернее, это был страшный крик агонии. Из того места, которое только что было возбуждено, хлынул поток крови. Женщина, все еще стоя подле него на коленях, подняла руки и направила бьющую ключом кровь себе на лицо и на волосы, а затем рассмеялась и вот так, смеясь в экстазе, начала пить. Его шатнуло назад, и он бы упал, если бы не упирался сзади в какую-то мебель. И тут она заработала своим штырем с шишкой на конце, воткнув его глубоко ему в живот, а затем еще просунула вверх. Новое пламя вспыхнуло внутри него, когда зазубренный конец палки прошел дальше, протыкая кожу, разрывая мускулы, обрывая вены. Она вытащила палку и отбросила ее, пытаясь засунуть руку в проделанную дыру. Ее одеяние стало похоже на полотно Поллока¹⁰ в красных тонах, и она все еще неистовствовала над ним, ее рот был открыт, она ловила губами струю, а жадные пальцы купались в горячей жидкости.

Как будто только что очнувшись и собрав все силы, какие еще оставались, он начал ее отпихивать, крича, но она принимала его толчки, радостно смеясь. Мерно покачивая головой взад и вперед, она приникла, буквально прилипла к его животу. Он вяло осел на пол, его взгляд затуманился, способность действовать быстро исчезла.

Последнее, что он увидел, это как она сбрасывала свое

¹⁰ Джексон Поллок – известный американский художник-абстракционист.

одеяние...

Глава 6

После урока мифологии Дион последовал с Кевином из здания школы в кафетерий. Все складывалось как нельзя лучше. Он здесь меньше недели, но уже вписался в ритм школы, адаптация прошла с необычной легкостью. Учителя, уроки и все школьные порядки не очень отличались от того, что было в Аризоне, и уж определенно не труднее, а большинство школьников, с которыми он успел познакомиться, казались в полном порядке, хотя толком поговорить ни с кем, кроме Кевина, не удалось.

Дион пока еще до конца не понимал, каков статус Кевина в общественной школьной структуре. Совершенно очевидно, что его приятель ни к одной из группировок, которые Диону удалось определить, не принадлежал. Но отверженным он тоже не был. Кевин, казалось, болтался где-то посередине. Знал он здесь почти всех, с большинством был в хороших отношениях и тем не менее обедать решил ходить с Дионом. Они пока еще не чувствовали себя друг с другом совершенно свободно, еще предстояло распределить роли в их приятельском союзе, он по крайней мере уже существовал, и за это Дион был судьбе благодарен. Кевин говорил резко, порой даже грубовато, но за всем этим проглядывал острый ум, и Дион догадывался, что Кевин проявил к нему интерес, потому что почувствовал родственную душу. И действительно,

их вкусы во всем, начиная от музыки и кинофильмов и кончая школьными учителями, почти полностью совпадали, и Дион решил, что именно поэтому ему с Кевином так хорошо и свободно.

Интерес к Пенелопе Аданем не ослабевал, и это его удивляло. Он думал, что вначале она привлекла его только тем, что была похожа на девушку из сна, но ее ответы на уроках, подслушанный им разговор с подругой, сидевшей рядом с ней, говорили о том, что это не призрак из его сновидения, а живой человек. Ее образ теперь отличался от того, который явился Диону в воображении, и она все больше и больше интересовала его. Пенелопа казалась более умной, развитой и начитанной, чем девушки, с которыми он был знаком в Аризоне, и это производило на него впечатление. И самое главное – она казалась вполне доступной. Конечно, она была хороша собой, в этом не было никакого сомнения, и уж не так недостижима, как он полагал вначале. В ней не замечалось ни мрачности, ни надменности, ни заносчивости. В ее манерах присутствовала какая-то легкость, искренность, которая проявлялась даже на уроке в классе. Она просто была настоящей, не фальшивой.

И к тому же совсем не похожа на лесбиянку.

Проблема заключалась в том, что Дион не знал, как к ней подступиться. Он сидел на уроке и мечтал: как было бы хорошо, если бы она случайно уронила книгу, а он поднял ее, их глаза бы встретились и... Но он знал, что такие вещи слу-

чаются только в кино и книгах, а в жизни такая возможность невероятна. Единственное, что он делал каждый день, – это передвигался на одно сиденье ближе к ней, постоянно меняя парты. У них совпадало довольно много уроков, и на одном из них учитель не следил, кто где сидит, позволяя ученикам менять места, и это давало шанс, которым молодой человек собирался воспользоваться, хотя и не представлял, что скажет ей, когда наконец окажется рядом, с чего начнет разговор. Но полагал, что справится с этой трудностью, когда придет время.

По его расчетам, это должно было произойти в пятницу.

К счастью, Кевин передвигался по партам в классе вместе с ним. Это всегда легче, когда есть кто-то третий, когда приходится заводить беседу с тем, с кем раньше никогда не разговаривал.

Кевин взял в кафетерии коку и бурито,¹¹ а Дион заказал хот-дог и молоко. Прокладывая себе путь против движения, они добрались до торговых автоматов и сели рядом на низкий барьерчик. Отсюда было очень удобно глядеть на проходящих.

Кевин откусил от своего бурито и покачал головой.

– Представляешь, – сказал он, – у каждой из этих девчонок есть кое-что между ног. Представляешь, у каждой. – Дион проследил за его взглядом и увидел большегрудую девушку в узкой футболке и облегающих джинсах. – У каждой между

¹¹ Бурито – мучная лепешка, в которую завернуты мясо, сыр и жареные бобы.

ног есть нечто, жаждущее тебя принять. – Он усмехнулся. – Какой удивительный мир.

Дион кивнул. Вчера Кевин назвал женское тело «системой жизнеобеспечения вагины». Ошеломляющие комментарии Кевина на тему секса были, конечно, забавными, но Дион не был уверен, произносит ли их Кевин просто ради позерства, или они являются отражением его подлинных мыслей. Это его тревожило, и становилось как-то слегка неудобно.

Они оглядывали проходящих мимо девушек. Глаза Диона заметили Пенелопу уже издали; она держала коричневый пакет с едой и покупала в одном из автоматов пачку апельсинового сока. Кевин увидел, куда он смотрит, и засмеялся.

– Понятно, понятно. Песня сирены с острова Лесбос.

Дион кивнул, напуская на себя беспечный вид.

– Ну расскажи мне что-нибудь о ней.

– Что рассказать?

– Что-нибудь.

– Хорошо. Она лесбиянка. Но я уже говорил тебе об этом, правда? – Он сделал вид, что задумался. – Дай-ка мне припомнить. Она живет с кучей других лесбиянок в винодельческом хозяйстве «Сестры Адаем». Ну, наверное, они не все сестры, но приходятся друг другу какими-то родственницами, это уж точно. Они ее тетки или что-то в этом роде. Их вино в магазине не купишь. Оно распространяется только по почтовым заказам. Наверное, его продают другим лесбиянкам.

– Ну а если серьезно?

– Серьезнее и быть не может. По крайней мере что касается винного завода. Сведения же об их сексуальной ориентации я изложил тебе, основываясь на собственных соображениях.

Дион почувствовал, что его шансы катастрофически уменьшаются.

– Значит, она богатая?

Кевин кивнул.

– Да уж, не всем по зубам.

Они оба встали, но Пенелопа взяла свой сок из автомата и исчезла в толпе.

– Не печалься, – сказал Кевин. – В нашей долине есть еще много других пиписек.

Дион заставил себя улыбнуться.

– Хотелось бы верить.

* * *

После занятий Кевин предложил Диону подвезти его до дома на машине одного из приятелей, но Дион отказался, сказав, что хочет пройтись. Кевин с приятелем сели в «мустанг». Машина рванула с места так, что аж шины взвизгнули.

А Дион пошел по обсаженной деревьями улице. Обычно от большинства видов физических упражнений он уклонял-

ся — атлетом он отнюдь не был, уроки физкультуры устойчиво ненавидел, — но гулять пешком любил. Это позволяло ему побыть на свежем воздухе, а кроме того, здесь легче думалось. Он посмотрел на аккуратные строения по соседству. Ему нравились эти дома, ему нравилась его школа, нравились люди, с которыми он познакомился, а Напа оказалась достаточно приятным городом. Однако в здешней жизни было что-то, что делало ее слегка странной, поэтому возникал какой-то непонятный осадок. Это не было чем-то очевидным, специфическим, чем-то бросающимся в глаза. Ничего зловещего на улицах не было, и от вида зданий у него по всему телу не бегали мурашки. Нет, чувство, которое он испытывал, было более утонченным, более расплывчатым. Оно относилось ко всем окрестностям Напы. Здесь везде ощущалась какая-то тяжесть, какое-то неопределенное беспокойство, тревога, какую он никогда не наблюдал за собой в Аризоне. Это не было чем-то определенным, что влияло бы на его повседневную жизнь, но все же это нечто настойчиво заявляло о себе. Это был какой-то фон, что-то вроде белого шума, который не затихал никогда. И с этим приходилось жить. Не замечать этого он больше не мог.

Больше не мог.

Дион остановился. Здесь ему нужно было повернуть направо за угол, а улица перед ним уходила прямо по направлению к невысоким зеленым горам.

Горы.

Юноша стоял и смотрел. Открывшаяся вдаль перспектива казалась какой-то знакомой и одновременно чем-то неприятной, и внезапно он почувствовал, что ему холодно, что у него мороз пробежал по коже.

Он заставил себя отвернуться, поспешно пересек улицу и зашагал к дому. «Наверное, все дело в психологическом факторе, – подумал он. – Реакция на переезд. Наверное, так реагирует растение, когда его пересаживают с корнями. Ага. Именно так. Скорее всего так. Я скоро оправлюсь, это несомненно. Сразу же, как только привыкну к новому окружению».

Он поспешил вперед, не глядя налево, не глядя на горы.

Когда он пришел, мамы дома не было, но Дион не беспокоился. Она работала до пяти. Все это время сын внимательно наблюдал за матерью и был приятно удивлен, обнаружив, что ей действительно нравится новая работа и что она отлично ладит с коллегами. Последние два вечера за ужином она подробно описывала все, что случалось с ней в течение дня: кто и что сказал из служащих банка, какие ссуды оформляли клиенты и кем они были. Мальчик внимательно слушал, пытаясь прочесть между строк правду.

Но пока все шло нормально, на работе у нее были чисто профессиональные интересы, она вроде бы не притворялась, и он решил, что в настоящее время ничьего внимания она в этом банке, видимо, не привлекла. Это было хорошим знаком. На последних двух ее работах, в Месе и Чендлере, мать

уже в первую неделю приглашала к себе приятелей, чтобы, как она это называла, «немного расслабиться».

Может быть, она действительно решила начать новую жизнь?

Он заглянул на кухню, открыл пакет кукурузы, посыпал ее солью, затем прошел с ней в гостиную, где взял пульт управления телевизором и включил MTV. Но скоро однообразие музыки и видеоряда ему надоело. Пройдясь по очереди по всем кабельным каналам и не найдя ничего интересного, Дион выключил телевизор. Вот сейчас он покончит с кукурузой, врубит стерео и под музыку будет делать задание по математике. На завтра надо было сделать двадцать примеров по алгебре. А потом придет и мама.

Дион закончил домашнее задание, прочитал все, что было на первой странице и в рубрике развлечений в сегодняшней газете, а затем просмотрел «Тайм» двухнедельной давности, который привез из Аризоны.

Уже был седьмой час, но мама не пришла и, самое главное, даже не позвонила. И он забеспокоился. Он остановил проигрыватель, включил телевизор и устроился на диване, чтобы посмотреть национальные новости. Не понимая почему, эта программа была ему по душе, и это несмотря на то что большая часть сообщений касалась убийств, катастроф и других трагических происшествий. Возможно, это глупо и невежественно, но ему нравилось, что все события прошедшего дня разложены по полочкам, проанализированы и

открыто обсуждаются по национальному телевидению. Это придавало Диону чувство уверенности и убеждало в том, что, независимо от того, каким бы хаотичным ни казался этот мир, за всем случившимся в нем кто-то следит и по каждому поводу что-то предпринимает. Хотя подспудно он знал, что это, наверное, не так.

Прошла первая рекламная пауза, затем вторая и третья, и было уже шесть тридцать. Он встал и посмотрел в окно. Уже начало темнеть, оранжевая дымка начала превращаться в пурпурно-голубую, вечернюю. Мать не могла начать все с начала, это невозможно. Не могла после того, как обещала ему, что все изменится.

Он почти не сомневался, что с ней что-то случилось.

Нет.

Он выбросил это из головы.

Дион снова сел. Передавали местные новости. Он пытался сохранять оптимизм, говорил себе, что она всего лишь задержалась на работе и забыла позвонить, но тут же не верил этому.

Он только надеялся, что у нее хватит ума не приводить мужика домой.

Он был на кухне и собирался приготовить себе макароны с сыром или достать замороженный готовый ужин из холодильника, когда услышал звуки подъезжающей к дому машины. Дион хотел выйти на крыльцо или подойти к окну гостиной, чтобы посмотреть, что происходит во дворе, но остался

в кухне, как будто прирос к месту. Его мускулы напряглись, ладони вспотели.

Он услышал, как открылась входная дверь.

– Я дома!

Он выглянул в гостиную и почувствовал огромное облегчение (как будто груз со спины сняли), когда увидел, что мать одна.

– Извини, что я поздно, – сказала она, ставя свою сумку в прихожей.

Пьяна она не была, но то, что пила, было очевидно. Ее голос был громче, чем обычно, веселее и живее, движения – более свободными.

– Я познакомилась с замечательными людьми! – объявила она.

Беспокойство вернулось.

– Мам...

– Нет, я вполне серьезно. Мне кажется, они тебе понравятся.

– Кто они?

– Да, мне очень повезло, что я их встретила...

Дион глубоко вздохнул.

– Повезло, что их встретила? Мам, ты сказала...

– Не беспокойся. Это две женщины с моей работы. Они собирались пойти немного посидеть, ну, сам понимаешь, немного расслабиться, и спросили меня, не хочу ли я пойти тоже. Но когда мы пришли туда, то встретились с теми

людьми, которые...

– Кто эти люди? Женщины или мужчины?

Мать посмотрела на него, видимо, начиная что-то понимать. Это было видно по ее лицу.

Дион нервно переминался с ноги на ногу.

– Ты же говорила, что изменишься, – мягко напомнил он.

Ее настроение круто изменилось.

– Да, говорила, – сердито произнесла она. – И не смотри на меня с таким укором. Что мне оставалось делать, отказаться?

– Да.

– И сразу же испортить отношения на новой службе? – Она резко прошла мимо него на кухню.

– Садись, – приказала она, – я приготовлю ужин.

– Все в порядке... – начал он.

– Я приготовлю ужин!

Дион знал, что спорить бесполезно. Он смотрел, как она вынула сковороду из ящика под раковиной, как плюхнула ее на плиту. Вдохнув, он прошел в гостиную. За окнами уже совсем стемнело. Он смотрел телевизор, а на кухне мать готовила еду, громко ругаясь и разговаривая о чем-то сама с собой.

Глава 7

В пятницу мистер Холбрук ошарашил всех внезапным контрольным опросом. Сразу же, как прозвенел звонок, возвещающий о начале занятий, учитель мифологии приказал классу убрать все книги и взять лист бумаги и ручку.

– Проставьте на листе номера от одного до двадцати пяти, – сказал он, – оставив между номерами по одной строке. – Он поднялся со стула и подошел к доске. Повернувшись спиной к классу, взял большой кусок мела. – Порядок такой: я пишу на доске вопрос, вы его переписываете и немедленно внизу пишете ответ.

– Вот дерьмо, – прошептал Кевин, показывая средний палец.

Дион едва сдержал смех.

Учитель начал писать.

– Можете начинать.

Зашуршали листы, заскрипели парты – ученики устраивались поудобнее выполнять контрольную работу. Дион уже начал прикидывать, сколько ему следует получить по письменной работе и на регулярных тестах, чтобы вспомнить оценку «F»,¹² которую он получит сегодня. Он потер свой карандаш о край парты, чтобы заточить его. В конце концов

¹² В американских школах принята шестибалльная буквенная система оценок; пятерке соответствует «A», а двойке – «F».

Холбрук мог бы предупредить их заранее, что будет проводить неожиданные контрольные опросы в семестре. Кое-что он, конечно, говорил, но в общих чертах: сказал, на каких страницах и в каких книгах что следует читать по каждому вопросу, но о контрольных – ни слова. Во всяком случае, это просто неприлично и нелюбезно не объяснить классу, как будут проходить его уроки.

Конечно, теперь, оглядываясь назад, Дион вспомнил, что учитель несколько раз повторял: «Я ожидаю от вас, что вы будете самостоятельно работать». Он понимал теперь, что это загадочное предупреждение было намеком на грядущие контрольные.

К несчастью, из рекомендованного учителем текста он не прочел ни слова. Он вообще не учился таким способом. Никогда. Он всегда работал под давлением, так ему казалось лучше, схватывая все в последний момент, набивая свой мозг информацией. Он всегда все делал в последний момент, мимоходом, а уж такое занятие, как чтение дополнительной литературы, всегда оставлял на самый конец.

Теперь за это приходится расплачиваться.

А самое главное, сегодня он как раз заканчивал свои маневры, чтобы незаметно занять свободное место рядом с Пенелопой. Контрольная эта ему сейчас вот как нужна была.

Все пошло совсем не так, как хотелось.

Дион покорно переписал вопросы, предложенные мистером Холбруком. Он не знал ответа ни на один из них, да и

с терминами, и то с некоторыми, был знаком весьма туманно, просто помнил, что их произносили на уроке. Он просто наобум написал ответы (первое, что пришло ему в голову), благо они состояли из одного слова, затем перевернул свой лист и положил карандаш в знак того, что закончил.

Когда все выполнили задание, учитель повернулся лицом к классу.

– Прекрасно, – сказал он. – Пожалуйста, обменяйтесь листками с тем, кто сидит рядом.

С тем, кто сидит рядом. Это означало: либо Пенелопа, либо Кевин. Он посмотрел налево и увидел, что Кевин обменялся листком с низкорослым пареньком, сидящим по другую сторону от него. Дион повернулся к Пенелопе, заставив себя улыбнуться, обменялся с ней листками и устоял в ее работу. Ее буквы были четкими, выведенными почти с каллиграфической тщательностью, – настоящий женский почерк.

– Вопрос номер один, – объявил учитель. – Ответ: Зевс.

Дион начал ставить плюсы против правильных ответов и минусы – против неправильных, как и потребовал преподаватель. У Пенелопы было два неправильных ответа, стало быть, она получала «А» с минусом. Он не ошибся. Она – умненькая.

Умненькая, не умненькая, какое это теперь имеет значение. Они обменялись листками, и Пенелопа протянула ему его контрольную. Он даже не взглянул ни на девушку, ни на

свою работу. «Она, очевидно, подумала, что я тупица, кретин», – мрачно произнес про себя Дион. Его шансы познакомиться снизились сейчас, наверное, до нуля. Он грустно посмотрел на Кевина, а затем на листок в своей руке.

Дион зажмурился, затем открыл глаза.

Он написал отличную контрольную работу.

Все ответы – абсолютно все – были правильными.

* * *

Кафетерий, как всегда, был переполнен, и они с Кевином сели на крышку одного из круглых пластиковых столов в соседнем, примыкающем к кафетерию, помещении и стали ждать, когда рассосется очередь.

– А ты, выходит, силен в мифологии, – сказал Кевин, проводя пятерней по своим волосам. Он тоже занимался крайне несерьезно, как и Дион, за книги садился, только когда контрольная на носу, поэтому сегодня неправильно ответил примерно на четверть вопросов. Если учитель будет округлять, Кевин получит «В» с минусом.

Дион пожал плечами.

– Думаю, мне просто повезло.

– Когда в тесте предлагается выбрать правильный ответ из нескольких вариантов, тогда, я думаю, еще может повезти, но в данной работе абсолютно все угадать невозможно. Для начала надо хоть что-то знать. Черт побери, мне кажется, ты

единственный в классе, кто получил за эту контрольную отлично.

Это было правдой, но Дион не знал, почему так все случилось. Он был смущен и поэтому молчал, пристально вглядываясь в крышку стола, пытаясь прочесть на стертом пластике надписи. Он вскинул глаза, когда к ним резко приблизился худой белобрысый парень в черной футболке с символикой хэви метал. У него был хмурый вид, что свидетельствовало о его явно враждебных намерениях.

– Что это за дела? И как это, по-твоему, называется? Вам что, очень удобно сидеть на моем столе?

Кевин спокойно поднял средний палец.

– Чего ты молчишь, Харт? Считаешь, что это красиво?

– Не так красиво, как титьки твоей матери, но все равно сойдет.

– Вали отсюда.

– Сам вали, приятель, но только не в штаны.

– Ну, Харт, скотина, я еще с тобой посчитаюсь.

Парень отошел набычившись, тоже со злостью оттопырив свой средний палец.

Дион не сказал ничего. Во время этой словесной перепалки он молчал, опасаясь, что этот парень затеет сейчас драку с кем-нибудь из них или, еще хуже, вернется с рослыми и сильными друзьями. Но чувств своих он не выдал. Кевин был спокоен. Казалось, он знал, как справиться с этим оболтусом, или по крайней мере делал вид, что знает, и Дион ве-

рил, что его новый приятель в курсе, кого надо толкнуть, в какое место и насколько далеко, то есть понимает, когда выступать, а когда стоит заткнуться.

В конце концов, Дион надеялся, что это так.

– Парень этот – мудака порядочный, – произнес Кевин, словно прочитав его мысли. – Насчет него не беспокойся. Он только кулаками в воздухе махать горазд.

Дион кивнул, как будто именно это он и подозревал.

– Ого, – сказал Кевин. – Погляди-ка. – Он кивнул в сторону очереди в кафетерий. Прокладывая себе путь, между столиками по направлению к открытой двустворчатой двери двигалась Пенелопа с невысокой черноволосой девушкой в сильных очках. – А вот и твой шанс, приятель.

Дион соскочил со стола.

– Ты пойдешь со мной?

Кевин фыркнул.

– К черту, нет. Это твой ход. Ты подойдешь к ней один и попробуешь заговорить. А я буду поблизости, когда она тебя отбреет.

Пенелопа с подругой были последними в очереди, и Дион знал, что если сейчас не подойдет, то место позади нее очень скоро займет кто-нибудь другой. Быстро пробираясь зигзагом через толпу, он направился к ней.

Ему повезло. Он встал за девушкой как раз за несколько секунд до того, как группа ребят спортивного типа выстроилась за ним. Все произошло так стремительно, что теперь

он машинально подвигался вперед, совершенно не представляя, что делать. Его руки вспотели, в животе было холодно. Дотронуться до Пенелопы он боялся – ну, хлопнуть, к примеру, по плечу или что-нибудь в этом роде, – чтобы привлечь внимание или заговорить с ней и таким образом обнаружить свое присутствие. Юноша просто пытался успокоиться. Если она внезапно обернется, надо постараться напустить на себя беззаботный вид. На самом деле никакого спокойствия и в помине не было.

Когда некоторое время спустя она все же обернулась и увидела его, он сделал удивленный вид и откашлялся.

– Привет. Я тебя сзади не узнал.

Она тоже выглядела удивленной, но улыбнулась. «У нее милая улыбка, – подумал он. – Дружеская улыбка. Настоящая улыбка».

– Привет, – сказала она.

– Меня зовут Дион. Я сидел с тобой на уроке мифологии.

Он произнес эти слова и в тот же момент понял, как это все глупо звучит. Сразу же понял. Но как их возьмешь назад, эти слова?

Она засмеялась. Ее смех был теплым и искренним.

– Я знаю тебя. Ты что, забыл? Ведь я проверяла твою контрольную.

Он покраснел, понятия не имея, что теперь говорить, как реагировать, боясь сморозить еще большую глупость.

– На меня произвело большое впечатление, как здорово

ты сделал работу, – добавила она.

– Ага, спасибо.

– Да нет же, я говорю совершенно серьезно. Ты классно знаешь этот предмет.

Очередь двигалась, и Диона охватила паника – надо что-то сказать. Но что? В голову абсолютно ничего не приходило. Между стойкой раздачи и Пенелопой оставалось не больше шести человек. Это был его единственный шанс. Надо что-то придумать. Срочно. Иначе они проведут остаток времени в молчании, а потом все кончится. Он посмотрел в сторону Кевина, который подал ему знак, подняв вверх большой палец.

Черт побери, хоть бы одна заваливающая мыслишка в голове осталась!

Спасение пришло от подруги Пенелопы.

– Я что-то не помню, чтобы мы встречались где-нибудь прежде, – сказала она. – Ты новенький?

Он расслабился, почувствовав наконец облегчение.

– Да, – сказал он. – Я из Аризоны. Мы с мамой приехали сюда чуть больше недели назад.

– Это, наверное, трудно – начинать в новой школе? – сказала Пенелопа.

Он посмотрел на нее. Быть может, ему показалось, но в тоне, каким были произнесены эти слова, да и в ее лице тоже, промелькнуло нечто большее, чем праздный интерес. Она говорила очень мягко, как будто хорошо понимала его чув-

ства, как если бы представляла себя на его месте.

Как если бы это ее заботило.

Нет, ему просто почудилось, ничего такого на самом деле не было.

– Да, – сказал он. – Это трудно. Я ведь здесь почти никого не знаю.

– Но теперь ты знаешь нас, – ответила, улыбнувшись, подруга Пенелопы.

Дион улыбнулся тоже.

– Это верно.

– А кроме того, ты приятель этого Кевина Харта, – добавила Пенелопа. В том, как она выговорила «этого Кевина Харта», сквозила неприязнь.

– Да, с ним я успел познакомиться, – сказал Дион. – И довольно близко.

И вот уже очередь подошла к раздаче, подошел к концу и разговор. Пенелопа взяла салат в коробке и банку сока из буфета. Дион схватил гамбургер, маленькую тарелку жареной картошки и две коки – одну для себя, другую для Кевина.

– Увидимся в понедельник, – сказала Пенелопа, направляясь с подругой к кассе, и улыбнулась своей лучезарной улыбкой. – Было приятно с тобой познакомиться.

– Да, было приятно, – добавила ее подруга.

– Мне тоже, – эхом отозвался Дион. Он хотел сказать что-то еще, хотел пригласить обеих девушек к ним за стол, хотел спросить у Пенелопы, не возражает ли она позаниматься с

ним когда-нибудь, хотел выразить уверенность, что они как-нибудь побеседуют снова, но не успел это сделать. Он запла-тил два доллара и увидел, как девушки уходят.

Для начала было совсем неплохо, и он вроде бы должен быть доволен, но почему-то чувствовал разочарование, как будто бы потерпел неудачу. Для этого не было никаких оснований. Все развивалось нормально. Ведь прошла всего неделя, его первая неделя, а они уже поговорили и все такое. Но ощущение подавленности не оставляло Диона. Он протиснулся через толчею к Кевину.

– Итак, – спросил приятель улыбаясь, – как все прошло? Ты ее, конечно, покори́л. Она утонула в твоём красноречии.

– Абсолютно. Скушала все, что я ей приготовил, и попросила еще, – нашелся Дион, ставя поднос на стол.

Кевин зашелся смехом, да так сильно, что чуть не поперхнулся кокой, которую только что отхлебнул. Он вытер рот тыльной стороной ладони.

– Пенелопа? Неужели? – усомнился он, продолжая смеяться.

Дион слегка улыбнулся, потом улыбка его стала шире, и он рассмеялся.

– Именно, – подтвердил он, беря свой гамбургер. Он уже пришел в себя. – А ее подруга, кстати, интересуется тобой.

– А вот это уже по-настоящему приятная новость. Мечтал, мечтал, и вот, значит, мечты осуществились, – отозвался Кевин.

Дион смеялся. И думал о Пенелопе. «Все должно пойти хорошо, – сказал он себе. – Все должно получиться».

Он снял обертку со своего гамбургера и принялся есть.

Глава 8

Воспользовавшись ключами хозяина дома, лейтенант Дэвид Хортон открыл тяжелую стеклянную дверь и вошел в магазин «Кое-что из старины». Антикварный магазин был пуст, в его застоялом воздухе как будто законсервировалась тишина, близкое жужжание улицы, казалось, сюда не проникало. Следом за ним вошли двое полицейских.

– Мистер Уильямс! – позвал он. Подождал немного. – Есть здесь кто-нибудь? – Его голос растаял в неподвижной тишине.

Хортон сделал знак полицейским, стоящим позади.

– Проверьте, – приказал он.

Двое полицейских, действуя почти синхронно, прошли за прилавком и дальше в заднюю комнату. Через некоторое время они вышли и покачали головами. Тоже синхронно.

– Проверьте по рядам, – сказал лейтенант. Он закурил сигарету и начал наблюдать, как его люди принялись прочесывать магазин, следуя по параллельным рядам от центра.

Антикварный магазин был закрыт неделю. Никакого криминала в этом не было. Но по свидетельству владельцев нескольких заведений, расположенных поблизости, это было очень странно. Когда несколько дней назад пришло время вносить арендную плату, хозяин дома не получил от обычно пунктуального владельца антикварного магазина ни чека, ни

объяснения. Заподозрив что-то неладное, он позвонил Уильямсу домой, но там никто не отвечал, позвонил сестре Уильямса в Салинас и узнал, что она не слышала от него ничего уже больше недели. Тогда он обратился в полицию.

Исчезновение человека не было таким уж необычным событием в этом винодельческом районе. Вообще-то у Северной Калифорнии была хорошая репутация. Почему-то считалось, что там очень спокойно. Но именно эта репутация, основанная большей частью на представлении туристов о жизни в этой благодатной долине, привлекала в регион много разного рода психов, проходимцев и бродяг, которые винную индустрию связывали только с потреблением алкоголя, не желая понимать, что это обычная работа по производству разного рода напитков и что жизнь здесь отнюдь не постоянное непрекращающееся застолье.

Но Виктор Уильямс проходимцем не был. Он был местным бизнесменом, жил здесь много лет. Поэтому у Хортон были серьезные сомнения в том, что Вику что-то стукнуло в голову и он вдруг взял и уехал, не сказав никому ни слова, оставив свой магазин закрытым. Это было не в его характере.

«А все это означает, – подумал про себя Хортон, – что Вик Уильямс скорее всего мертв».

Лейтенант затянулся сигаретой и выдохнул дым. Бывали периоды – а в последнее время такое случалось все чаще, – когда он ненавидел свою работу. Да, поначалу было довольно приятно носить значок, чувствовать, что обладаешь какой-то

властью. Но новизна давным-давно уже прошла, а осталось ощущение, что ты день за днем заглядываешь обществу в задний проход. И все это мало-помалу начало его доставать. Иногда дело доходило до того, что он был готов все бросить, написать в департамент заявление об уходе, он уже чуть ли не сказал об этом начальнику, Джонни Пейчеку но вовремя вспомнил, что ни на что другое, кроме полицейской работы, больше не годен. Никакой другой специальности у него не было, а для того чтобы начинать все сначала, он уже достаточно постарел.

Теперь Хортон пытался об этом не думать. Он не сожалел об упущенных возможностях, не досадовал о том, что не сделал карьеру, не стонал по поводу того, что не окончил колледж, не сравнивал себя с остальными мужчинами его возраста, которые преуспели больше. Он просто проводил на работе время, выполнял свою работу и считал дни, оставшиеся до пенсии.

И два раза в неделю покупал лотерейный билет.

Человек ведь должен иметь хоть какую-то надежду.

– Лейтенант! Это здесь!

Хортон обернулся, вынув сигарету изо рта.

Он увидел, что Дитс, молодой полицейский, делает ему энергичные знаки из дальнего конца ряда. Хортон бросил сигарету, затоптал ее и поспешил к новобранцу.

– Что вы?.. – Он собирался произнести слово «обнаружили», но причина спрашивать отпала. Пол в этой секции мага-

зина был коричневым от засохшей крови. На матовых от пыли панелях паркета из твердой древесины виднелось огромное пятно неправильной формы. Небольшие потеки крови можно было разглядеть и на нижней части зеркала, хотя было заметно, что их пытались стереть.

Внизу, из-под какого-то предмета мебели – шкафа, кажется, – торчал небольшой кусок оторванного человеческого мяса.

– Господи, – выдохнул Хортон. Он посмотрел на Мак-Комбера, который стоял рядом с Дитсом. – Позвоните в лабораторию, – приказал он. – Пусть пришлют сюда экспертов и фотографа.

Молодой коп испуганно кивнул и поспешил вдоль ряда к прилавку.

– Ни к чему не прикасайтесь, – крикнул лейтенант вслед Дитсу.

– Хорошо, сэр.

– И перестань повторять постоянно это свое «сэр». Что за дурацкая привычка!

– Ладно, сэр... хм, лейтенант.

Хортон посмотрел на новобранца и покачал головой. Затем он полез в карман за другой сигаретой, достал пачку, но обнаружив, что она пустая, смял ее, отправил обратно в карман и с грустью посмотрел на начало ряда, где он бросил окурки. День сегодня предстоит долгий.

Глава 9

После ужина Пенелопа прошла в сад. Воздух здесь был теплее, чем внутри снабженного кондиционером дома, и более влажный, но для нее это было чудесно. Она села на бортик фонтана, опершись руками на округлую каменную поверхность, и закинула голову вверх. Винный завод располагался от города довольно далеко, так что огни деловой его части не отражались заревом в небе, и оно здесь, усыпанное миллиардами точек микроскопических звезд, было темно-пурпурным. Она поискала глазами Большую Медведицу и Полярную звезду – они оказались там, где им и положено быть, – а затем ее взгляд перенесся через пояс Ориона и Малую Медведицу к алой точке, которая была Марсом.

Ее всегда интересовали звезды, Луна, планеты, их движение. Ей казалось удивительным, что положение небесных тел, все эти невероятные небесные узоры, все это уже очень давно было установлено, замечено, нанесено на карту и понято людьми, не знавшими даже основ науки, известной сегодня любому школьнику начальных классов. В этом семестре она записалась на курс астрономии, надеясь изучить глубже этот предмет, но была разочарована, обнаружив, что на уроке больше занимаются математическим описанием траекторий движения небесных тел, чем историей их открытия и первооткрывателями.

Именно поэтому она решила изучать также курс мифологии и много ожидала от этого. После первого занятия она просмотрела книгу и обнаружила, что три главы целиком посвящены созвездиям. Она немедленно их прочла.

Это было именно то, что она хотела узнать.

И на этих уроках она встретила Диона.

Как-то само собой получилось, что Пенелопа сейчас снова вспомнила о нем, а в течение всей этой недели думала довольно часто. Она не знала Диона, не знала о нем практически ничего, но в том, как он смотрел, как говорил, во всем его поведении было нечто такое, что ее притягивало. Он казался ей очень симпатичным, начитанным, но очень практичным, что ли. Девушка была удивлена, что и это качество кажется ей привлекательным.

Нравилась ли она ему? Она считала, что это возможно. Дважды в течение недели она поймала на себе его взгляд, при этом он полагал, что она этого не замечает, поэтому немедленно отворачивался, обнаружив, что это не так. В этот момент у него был какой-то виноватый вид, как будто его поймали за чем-то, чего он не должен был делать.

И вот сегодня за обедом он действительно заговорил с ней. Велла после сказала, что Дион, несомненно, увлечен ею, но сама Пенелопа в этом не была уверена. Во всяком случае, из тех немногочисленных фраз, которыми они обменялись, такой вывод сделать было очень трудно. Предположение подруги, однако, ей весьма польстило, и все остальные

уроки она провела, слушая учителей вполуха, перебирая в памяти каждое предложение, сказанное в очереди, в поисках подтверждения гипотезы Веллы.

Пенелопа посмотрела на небо. Улыбнулась. Может быть, это судьба. Может быть, их знаки совпадают, и поэтому они встретились в этом месте и в это время.

Она закрыла глаза. Несколько раз сегодня она пыталась вообразить, как бы это все происходило, если бы у них с Дионом было свидание, но так и не смогла. И вовсе не потому, что он казался ей совсем непривлекательным, или потому, что она им не интересовалась. Нет, дело в том, что у нее еще не было встреч с мальчиками, и поэтому ей было трудно представить себя в ситуации, когда надо вести пустые бессмысленные разговоры, как это обычно бывает у школьников.

Все ее представления о свиданиях были сформированы кинофильмами, книгами и телевидением.

Она услышала мягкий щелчок, открыла глаза и выпрямилась. Мать Фелиция с улыбкой раздвинула стеклянную дверь.

– Может быть, тебе перенести сюда постель?
– И мой туалетный столик тоже. И телевизор не забудь.
– А как насчет холодильника и печи СВЧ? Они обе рас-
смеялись. Мать Фелиция пересекла гравийную дорожку и села рядом с Пенелопой на бортик фонтана. Они молчали, просто наслаждались обществом друг друга. Они часто вот так

сидели. Мать Марго это бы свело с ума – вот так долго сидеть, не делая ничего полезного. А мать Маргарет или мать Шейла? Они обязательно должны разговаривать или двигаться. С матерью Дженин ей бы вообще не хотелось оставаться наедине. Но мать Фелиция любила тишину, она благодарила тишину после дня, пронесшегося ураганом, после всей этой суматошной домашней работы. Ей просто нравилось быть рядом со своей дочерью, что подтверждало догадку Пенелопы.

Мать Фелиция расслабленно откинула голову назад и внимательно посмотрела на дочь.

– Что-то не так?

Пенелопа нахмурилась.

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

Мать улыбнулась.

– У тебя за ужином был какой-то отсутствующий вид. Я только... хм, мы просто подумали... я имею в виду, что мы решили, может быть, ты с кем-нибудь познакомилась. Ну, понимаешь, с мальчиком.

Неужели это так заметно? Пенелопа не думала, что ведет себя как-то необычно. Она посмотрела на мать. Ей хотелось сказать правду, и, вероятно, она должна была это сделать, если бы та не упомянула об остальных членах семьи. Это «мы» означало, что тема обсуждалась и что мать Фелиция была сюда послана специально – разузнать. Она не сомневалась, что перемену в ней – если таковая существовала – заметила

именно мать Фелиция, она всегда была самой проницательной из них. С их стороны это было не что иное, как сговор, попытка вмешаться в ее личную жизнь, не важно, с какими целями, и это настроило ее против откровения в любой форме.

– Нет, – сказала она.

Мать Фелиция нахмурилась. Она выглядела смущенной, как будто не понимала ответа.

– Неужели ты до сих пор ни с кем так и не познакомилась? Неужели тебя совершенно никто не заинтересовал?

Пенелопа пожала плечами.

– Пока еще рано об этом говорить. – Девушка покачала головой. – Господи, мама, всего лишь неделя прошла. Чего ты ожидала?

– Ты права, права. – Мать понимающе улыбнулась.

Они снова замолчали, хотя на этот раз тишина была уже не такой уютной. Пенелопа смотрела вверх на поднимающуюся в этот момент над горами на востоке луну, желтую и непропорционально большую. Когда она была маленькой, примерно лет восьми или девяти, она видела фильм «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» с Бингом Кросби. Это было легкое развлекательное зрелище, романтическая музыкальная комедия, но картина эта почему-то произвела на нее огромное впечатление, которое осталось в ней до сих пор. Больше всего ее поразили эпизод, когда Бинг спасает свою жизнь благодаря тому, что в свое время запомнил

дату солнечного затмения. Он выдает себя за могущественного мага и чародея. На площади средневекового города собралась огромная толпа, его собираются сжечь на костре, а он утверждает, что способен сделать так, что солнце исчезнет с небосвода от простого движения его рук. И в нужный момент он совершает это. Девочка была в ужасе от этой сцены, и впоследствии ее очень долго мучили сны, наполненные кошмарами. Учась в начальной школе, она все время была одержима желанием узнать даты солнечных и лунных затмений, в прошлом и настоящем, на тот случай если попадет в подобную ситуацию.

В ней еще и до сих пор оставалось что-то от этого страха, даже сейчас, когда она снова взглянула вверх на луну. Разумом она понимала, что это всего лишь спутник Земли, мертвая, безжизненная сфера, светящаяся отраженным от нее солнечным светом, но где-то там, в глубине души, она все же не могла избавиться от какого-то пугающего чувства, словно светило из ее детских сказок обладало некоей магической силой, способной повлиять на ее жизнь. Чувство это было странное, но вовсе не гнетущее, ей было приятно, что даже сухие расчеты и доказательства не способны полностью вытеснить из нее представления о таинственности ночного неба.

Пенелопа посмотрела на мать.

– Тебе нравится смотреть на луну? А на звезды?

Мать улыбнулась.

– Иногда.

Ее отец любил смотреть на звезды.

Или это просто так говорили ей матери.

Пенелопа вдруг вспомнила отца. Она не думала о нем слишком часто. Так, иногда. Она чувствовала себя виноватой из-за этого, но ведь она его, в сущности, не знала, для нее он был всего лишь изображением на старой фотографии. Он был, по словам матерей, красивым, высоким, широкоплечим мужчиной, с длинными каштановыми волосами и усами. По облику на снимке его с равным успехом можно было принять и за плотника, и за профессора колледжа. В его внешности присутствовала некая интеллигентность, и в то же время было видно, что ему не чужд и физический труд. Похоже, он был накоротке и с книгами, и с рабочим инструментом, мог выполнять, и умственную, и физическую работу – этаким романтический образ, возникший по описанию матерей.

Когда она была маленькой, матери говорили об отце много. Они отвечали на ее многочисленные вопросы и всякий раз приводили его в пример, когда дело касалось дисциплины или учебы. По мере того как она становилась старше, разговоры об отце начали постепенно прекращаться, как будто он существовал лишь в воображении неким сказочным персонажем, вроде Санта-Клауса или Пасхального Кролика, которого придумали только для того, чтобы помочь ребенку вырасти. Получалось, что на определенном этапе ее жизни этот образ выполнил свои функции и теперь отброшен и за-

быт за ненадобностью. К тому времени, когда девочке перевалило за десять, все, что касалось отца, обсуждалось уже крайне редко – если вообще когда-либо обсуждалось, – а ее робкие вопросы как будто не слышали и старались перевести разговор на что-то другое. Это ее очень смущало, но, заметив, что отношение матерей к этой теме изменилось, она перестала упоминать о ней вовсе. Постепенно детали из жизни отца начали в ее памяти расплываться, становиться мутными, смешиваясь с остальными второстепенными событиями ее детства.

Тем не менее детали его смерти она помнила четко и ясно. Отец погиб вскоре после ее рождения. Он был зверски убит, растерзан на части в лесу – том, что за забором, – стаей голодных волков. Она знала эту историю наизусть. Это случилось весной, в конце апреля. Однажды вечером отец вышел прогуляться, ему очень нравились такие прогулки. Мать Фелиция и мать Шейла занимались ужином на кухне, мать Дженин в соседней комнате смотрела телевизор. Мать Марго была в своем кабинете вместе с матерью Маргарет. Вдруг все они одновременно услышали крики и побежали к забору, но смогли различить на темной поляне за высокими деревьями лишь серо-белое пятно. Это стая волков свирепо терзала человеческую фигуру. Крики уже прекратились, и, хотя это все происходило вечером, они узнали ее отца: рукав его желтой рубашки был разорван и стал черным от крови. Мать Дженин вскрикнула, а мать Марго побежала в дом за ружьем,

приказав матери Фелиции позвонить в полицию. Мать Марго кинулась через луг к лесу, стреляя в воздух, волки разбежались, растворились в темном лесу.

От лица отца вообще ничего не осталось. Его грудь и руки были растерзаны, внутренности сожрали волки. Только ноги по какой-то причине получили сравнительно малые повреждения.

Шесть женщин внесли тело в дом – его кровь заливала их руки и одежду – и стали ждать «скорую помощь».

Эта сказка пересказывалась сотни раз, и теперь, оглядываясь назад, Пенелопа хотела понять, почему матери считали необходимым так подробно останавливаться на обстоятельствах кончины ее отца, почему они описывали ей, маленькому ребенку, такие ужасные подробности. Ужасные. Девочка очень боялась, но матери никогда не забывали опустить хотя бы одну из жутких деталей, касающихся вида мертвого тела отца, – кровь, раны и все прочее. Ей тогда начал сниться один и тот же сон – он повторялся с пугающей регулярностью, – в котором не волки, а матери терзали отца. И вот сейчас Пенелопе очень хотелось бы знать: что она должна была из всего этого усвоить?

Пока неизвестно.

Единственное, в чем она была уверена, так это в том, что, будь отец сейчас рядом, ее жизнь, без всяких сомнений, была бы проще и легче.

Мать Фелиция тронула ее локоть и встала.

– Пошли в дом. Уже поздно.

– Но ведь сегодня пятница, – сказала Пенелопа. – Завтра не надо в школу.

– Но завтра тебе надо делать много уроков. Кроме того, твои остальные матери будут беспокоиться, куда это мы пропали.

– Ну и пусть себе беспокоятся.

Мать засмеялась.

– Ты хочешь, чтобы я передала эти слова матери Марго?

– Нет, – призналась Пенелопа.

– Тогда пошли.

Пенелопа неохотно встала и последовала за матерью в дом.

Глава 10

Ему снились горы, невысокие горы. Белые срезы скальных пород обозначались пунктиром в сплошной зелени лугов. По всем признакам был конец лета. Вокруг не было ни домов, ни строений, ни дорог – только узкая, слегка покрытая грязью тропинка, затоптанная копытами каких-то животных. Справа тропинка огибала ближайшую гору, взбираясь к ее вершине, налево – вилась по направлению к лесу, к деревьям на дне плоской и немного заболоченной долины.

Он приближался к тропинке. Камешки, спрятавшиеся в траве, впивались в его босые ноги, но это было только приятно. Воздух был горячий, сухой, как в пустыне, а небо над головой – светлое, обесцвеченное солнцем.

Ему было хорошо, необыкновенно хорошо. Все его чувства были странным образом обострены: он с предельной ясностью видел вперед на целую милю, слышал слабое жужжание насекомых в траве, различал тяжелый, теплый, приятный запах грязи и даже легкий аромат трав и других растений.

Он сознавал, что высокого роста.

Он достиг тропинки и свернул по ней по направлению к долине и деревьям. Ноги мягко обволакивала теплая грязь, и вдруг он заторопился, пошел быстрее, ему почему-то захотелось поскорее добраться к месту назначения. На языке

ощущался неясный привкус винограда, и почему-то это заставило его ускорить шаг.

Впереди на тропинке он заметил движение, откуда-то появился зловонный запах. Он достиг этого места и остановился. На тропинке перед ним стояла коза с выменем, полным молока. Он вдруг понял, что его мучает жажда, и поднял животное, поднеся к губам многочисленные соски. Взял три соска в рот и начал сосать. Теплое сладкое молоко легко проскальзывало в его пересохшее горло.

Он кончил пить, поставил козу на место и только тогда заметил, что рядом с ним, прямо у тропинки, лежит тело ее детеныша. Или то, что от него осталось. Маленький козленок был убит, выпотрошен, разорван на части, и из сочащихся кровью ран в торсе торчали острые деревянные дротики. Его ноги и голова были оторваны и разбросаны по траве. На низких стеблях растений висели небольшие кусочки кожи и клоки шерсти с кровью.

Он знал, что это означает. Дом уже близко, совсем близко. И от этого ему стало еще лучше.

За деревьями он слышал крики, вопли, выражающие одновременно и радость, и боль. Улыбнувшись, он начал пробираться к ним.

* * *

Субботу Дион провел с мамой; они разобрали оставшиеся

вещи и сделали все необходимое, чтобы окончательно обустроить гостиную. Работа была довольно скучной, но Дион, занимаясь ею, наслаждался. Особенно потому, что мама вроде бы была в хорошем настроении. Вместо того чтобы стелать и жаловаться, то есть устраивать большое шоу по поводу того, как ей ненавистна домашняя работа, – как она обычно поступала в подобных случаях, – мама поставила записки «Битлз» и «Бич бойз», музыку, в отношении которой их вкусы совпадали, и начала подпевать, вытирая пыль и разбирая вещи. В четверг и пятницу она вела себя как образцовая домашняя хозяйка: с работы приходила вовремя, готовила ужин, мыла посуду, смотрела телевизор – словом, делала явные попытки снова завоевать его доверие и старалась вести себя с ним мягко, тактично. Вот и в субботу она с большим желанием взялась за работу, все время делая попытки с ним поговорить, ясно пытаясь показать, что все действительно изменилось. Ему очень хотелось вынести ей оправдательный приговор, как говорится, за недостаточностью улик. Все было очень хорошо, но верилось с трудом, хотя ему очень хотелось верить. Совершенно очевидно, она предпринимает усилия, чтобы доказать, что на самом деле стремится к тому, чтобы все изменилось.

Все будет хорошо.

Воскресенье они провели, исследуя окрестности долины Напы. С момента приезда жизнь их здесь проходила, как в лихорадке, – школа, работа, разбор вещей, так что как сле-

дует осмотреться вокруг возможности пока не было. Сейчас они решили, что пришло время узнать поближе, что собой представляет их новый дом.

Они посетили все туристские места, следуя прямо по карте долины, которую дали маме в автоклубе. Они побывали на озере Берриесса и у горы Святой Елены, посетили мельницу и заплатили за то, чтобы посмотреть Старого Праведника и Окаменевший Лес. Эти экспонаты приходились друг другу чем-то вроде троюродных сестер или братьев одноименных знаменитых чудес света. Ничего особенного во всем этом не было, но окрестности Напы были спокойные и живописные, можно даже сказать, мягкие. Ухоженные виноградники на склонах холмов, симпатичные дорожки, выющиеся между ними, невысокие лесистые горы.

Они доехали даже до Сономы, чтобы посмотреть дом Джека Лондона. Но винные заводы проезжали мимо, не останавливаясь. Они чувствовали себя неловко и напряженно, когда что-то касалось вина. Казалось, ничего не должно было, да и не могло случиться, но винный завод пусть косвенно, но ассоциировался с прошлым, а будить ненужные воспоминания им не хотелось. Вопрос о посещении подобных предприятий между ними даже не поднимался.

Тем не менее, пока мама правила, Дион изучал карту, пытаясь найти винный завод Аданем, в надежде увидеть, где находится дом Пенелопы. К сожалению, его на карте не было. Они проехали несколько винных заводов с большими

и малыми комплексами построек, любой из них мог быть собственностью семьи Пенелопы, и хотя Дион внимательно вглядывался в каждую вывеску, ни на одной из них фамилии Пенелопы не обнаружил.

Домой они возвратились где-то в пять, усталые и пресыщенные впечатлениями, и, пока мама принимала горячую ванну, Дион проехал к закусочной «Тако-белл»¹³ и купил готовых полуфабрикатов. Они смотрели программу «60 минут» и жадно поглощали ужин, а потом еще посмотрели вместе кино. В первый раз за долгое время мама показалась ему похожей на мать, не на сестру, не на ровню ему, не на противника, а на мать, и Дион заснул счастливый. В эту ночь ему ничего не снилось.

¹³ Тако – что-то вроде большого бутерброда, напоминающий гамбургер, но тесто хрустящее; начинка обычно состоит из рубленого мяса со специями, помидоров, сыра, салата, и все это полито горячим соусом. Закусочные «Тако-белл» или «Тако-тайм» распространены в США так же, как «Макдоналдс».

Глава 11

За те полтора года, что он работал ночным сторожем на винном заводе братьев Паулинг, Рону Фаулеру ни разу не представлялся случай испытать хотя бы малейшее беспокойство. Было, конечно, в самом начале несколько инцидентов – не больше двух, кажется, – с ложной тревогой, и то это скорее из-за его собственной нервозности и неопытности, чем из-за чего-то существенного, но все это исчезло, как только он полностью изучил расположение цехов. Разумеется, завод Паулингов по своему уровню был ниже, чем предприятия Берлингера, Мондави, Стерлинга или других, не менее известных предпринимателей. У них, понятное дело, нередко возникают проблемы с хулиганами. Но завод Паулинга был небольшим, не на виду, в стороне от больших дорог, посещения сюда разрешались только по приглашению. Это было довольно тепленькое местечко. Рон читал триллеры, смотрел свой портативный телевизор, решал кроссворды.

Вот почему сейчас он чувствовал себя совершенно не готовым к тому, с чем, по-видимому, ему предстояло встретиться.

Рон медленно двинулся по тихому, пустому зданию по направлению к входу в цех брожения, тревожно поглядывая по сторонам, прислушиваясь к любому звуку, который мог показаться необычным. Огромное помещение было пустым,

тишину нарушал только звук его собственных каблуков да толчки крови в голове, нарастающие с дьявольской силой. Он был испуган, испуган много больше, чем прежде, когда проигрывал в своем воображении похожий сценарий. Это было нечто, к чему он подготовлен не был, в чем уверенно чувствовать себя не мог. Он пошел на эту работу вовсе не потому, что был пригоден к этому делу, а потому, что это было очень несложное занятие. Вот почему. Он был рабочим-ремонтником на пенсии, только пенсия эта была кот наплакал, и он стал искать легкого дополнительного приработка. Его все уверяли, что это отличная работа, что пистолет, который у него в кобуре на поясе, не больше чем деталь формы, что на самом деле ни с чем таким ему встретиться не придется.

И почему он не пошел на работу в «Макдоналдс», как другие мужчины его возраста?

Рон медленно двигался вперед. Он знал, что этого ему не следует делать. Знал, но все равно шел. У него были все внешние атрибуты полицейского – пистолет, форма, в конце концов перечень служебных обязанностей, – но несмотря на все это, он мог просто вызвать полицию, а потом сидеть и ждать, когда они придут. Но абсолютной уверенности в том, что случилось нечто необычное, у него не было. Он находился на своем рабочем месте, в небольшой будке рядом с отделом сбыта, читал старый роман Росса Макдональда, когда черно-белая картинка на мониторе цеха брожения внезапно потонула в снежных точках шумов. Цех брожения был

расположен в пещере известнякового холма, примыкающего к зданию, не то естественной, не то специально вырытой. Он заметил это изменение изображения краем глаза и немедленно переключил внимание на ряд мониторов над столом, быстро просматривая один за другим. Разумеется, исчезновение картинки могло быть вызвано технической неисправностью, но на экране монитора, показывающего вид цеха дистилляции номер один, он увидел, что дверь цеха брожения, которая все время должна быть закрыта и заперта на замок, медленно двигалась, как будто кто-то ее притворял.

Он почувствовал, как в груди подпрыгнуло сердце.

Немедленно вскочил, схватил связку ключей, расстегнул кобуру и через освещенную тусклым светом автостоянку поспешил к цеху дистилляции.

Он был испуган, но все же рад, что не потревожил пока полицию. Сделав ложный вызов, он бы выставил себя перед ними дураком, и скорее всего его тут же бы выгнали с работы.

Рон продолжал двигаться вперед по направлению к запертой двери пещеры. Его рука на рукоятке пистолета вспотела и стала скользкой. Он быстро сдернул руку, вытер ладонь о грубый материал брюк, а затем снова водрузил ее на место.

По другую сторону двери цеха брожения что-то щелкнуло.

Он остановился как вкопанный. Помещение внезапно показалось ему еще более темным, емкости по обе стороны

– еще более пугающими. Даже когда он включил полный свет, все равно оставались зловещие тени, эти пятна, заплата, лоскуты ночи, предвещающие дурное. Они просачивались в здание, несмотря на всю эту технику, электричество и люминесцентные лампы. «Да здесь же миллион таинственных мест, куда можно спрятаться, – вдруг осознал он. – Может быть, сейчас, вот в этом месте, притаилась целая армия хулиганов, промышленных шпионов или террористов. Притаились и ждут моего приближения, чтобы схватить».

Дверь щелкнула снова, но на этот раз звук был каким-то особенным, как будто что-то хлюпнуло.

Монстры.

«Да нет, это просто какие-то хулиганы, – попытался успокоить он себя. – Это какие-то мерзавцы, наемники конкурентов, грабители, поджигатели, убийцы, террористы, психи, бежавшие из лечебницы». Его сознание пробежало список возможных противников, исключительно в человеческом облике, а все остальное он в отчаянии пытался выбросить из головы, близко не подпускать.

Монстры.

Разве не этого мерзостного отродья он боялся больше всего? Боялся, и еще как боялся. И это после стольких лет? Монстры. Подумать только, прошли десятилетия, он рос, вырос наконец и успел даже состариться, но там, глубоко внутри, все еще оставался маленьким мальчиком, которому было страшно одному зайти в гараж, который ночью слышал ше-

лест кустов за окном на улице, который, заведя шевеление теней в холле, стремглав бежал за родителями, чтобы они включили свет. Рациональное мышление, которое пришло с возрастом, и связанное с ним определенное понимание сути вещей и явлений было не более чем маской, тонкой маской, прикрывающей истинную его сущность. А она состояла в том, что он так по-настоящему и не вырос и ничего не забыл.

Перед ним был вход в цех брожения, дверь в пещеру. Всего в нескольких шагах. Он мог отчетливо видеть место, где бетонный фундамент здания соединялся с известняковым холмом. Ему хотелось убежать назад в свою будку, в это уютное местечко, к своей книге, телевизору, сделать вид, что он ничего не видел и не слышал, а утром, когда будет обнаружено, что на завод проникли грабители, разыграть полное неведение, но он превозмог себя, заставил свою руку громко постучать в стальную дверь.

– Эй вы, кто там есть, открывайте! – крикнул он.

Ответа не последовало.

Рон Фаулер потянул ручку на себя, дверь была не заперта. Впрочем, он другого и не ожидал. Он распахнул ее левой рукой, крепко сжимая в правой рукоятку пистолета.

И сразу же отшатнулся назад, оцепенев.

Пол в пещере был покрыт кровью, густой и красной. Это была вязкая и липкая субстанция, которая выглядела, как

застывшее «Джелло»,¹⁴ а смердила, как протухшие испражнения. Кровью были облиты и деревянные бочонки с вином, и запах ее, смешанный с терпким ароматом бродящего вина, был почти непереносимым. Он сильно зажал себе ноздри пальцами, так что едва мог дышать, и приставил ногу к двери, чтобы держать ее открытой. По всей пещере – по полу, по днищам бочек, у известняковых стен – в беспорядке были разбросаны разодранные на части тушки большого количества мелких животных: белок, кошек, крыс, опоссумов. При слабом свете, сочащемся через дверной проем, он мог разглядеть шерсть на содранных шкурах, а на обратной стороне мясо с белыми жилами, потерявшие цвет сморщенные органы с обрывками артерий и кишечника, которые свисали гроздьями.

В пещере было тихо, но откуда-то что-то капало – скорее всего вино, – и эти капли гулко и мерно ударялись о цементный пол. Нос забивало опьяняющее зловоние. С сильно колотящимся сердцем он стал ощупывать пальцами каменную стену рядом, тщетно пытаясь найти выключатель, вглядываясь в темный дальний конец узкой пещеры и проклиная себя за то, что не захватил фонарь.

– Кто здесь? – опять крикнул он.

Ответа не было, но жидкость капать перестала. Теперь появился другой звук.

Кто-то жевал.

¹⁴ «Джелло» – фирменное название желе из концентрата.

– Давай выходи! – скомандовал он, но голос его был не таким твердым, каким должен был быть.

Монстры.

– Ну, давай же!

Ответа не было. Только чавканье. И низкий смех.

Он пристально взгляделся в темноту и кое-что различил, потому что его глаза уже привыкли к мраку. Различил и пришел в ужас.

У дальней стены, скорчившись, медленно двигались карликовые фигуры. Низкие, волосатые, бесформенные, они сжимали в руках длинные острые дротики. Его сознание раздвоилось. Мысленно он мгновенно представил эту сцену в виде крупного заголовка на первой странице бульварной газеты – НА НОЧНОГО СТОРОЖА НАПАЛИ ЧУДОВИЩА, – но, повинувшись безотчетному страху, он вскрикнул и обмочился.

Теперь эти фигуры задвигались быстрее, стали больше похожими на людей, начали распрямляться, пока не вытянулись во весь рост. В воздухе висел крепкий запах крови и вина. Теперь к нему примешивался почему-то казавшийся ему знакомым запах мускуса. Одна из фигур что-то поедала. Вытащив это изо рта, она швырнула этим в него. Это был разодранный бурундук.

Рон Фаулер с криком повернулся. Надо бежать, спастись, и он собирался это сделать, но... поскользнулся на покрытом кровью полу. Его правая нога подвернулась, он почув-

ствовал острую боль, а дверь, которую он держал открытой своей левой ногой, начала закрываться. Свет еще проникал в помещение, и в эти последние несколько секунд он успел с гипертрофированной четкостью увидеть прямо перед своим носом цементный пол, влажный и красный от крови, и на нем обломок кости животного с обрывками мускулов. Во внезапно наступившей темноте он начал делать отчаянные попытки подняться на ноги, поползти по полу, но не успел.

Где-то совсем рядом, позади него, существа засмеялись, завизжали, забормотали.

Первый дротик угодил ему в промежность.

Глава 12

С десяти до двенадцати, то есть в промежутке между оживленными первыми часами работы и полуденной суматохой, банк замирал. В светлом зале, разумеется, снабженном кондиционером, были слышны негромкие реплики переговаривающихся друг с другом кассиров, глухие щелчки клавиш компьютеров и тихое бормотание постоянного музыкального фона. В данный момент это была рок-музыка, которая транслировалась по всему банку с помощью громкоговорителей, размещенных на потолке зала.

Это время дня Эйприл не переносила. Для большинства ее коллег, наоборот, это была самая приятная часть рабочего дня, когда они могли скинуть с себя на время маску подобострастной любезности, немного отдохнуть и перевести дух от бухгалтерских расчетов и другой рутинной бумажной работы, которой в банке предостаточно. У нее же эти два часа всегда вызывали чувство скуки и тревоги. Как бы там ни было, но дело свое она знала. Эйприл служила в отделе ссуд и была отличным клерком. У нее редко, если вообще когда-либо, оставалось что-то недоделанное. Таким образом, в эти два часа делать ей практически было нечего. В результате ей каждый раз приходилось отыскивать какое-нибудь занятие хотя бы для вида. Возможно, решила она, в будущем следует хоть изредка проявлять некоторую небрежность в работе,

но в первые недели на новом месте плохо выглядеть перед начальством не хотелось.

Насколько она поняла, ее новый начальник был довольно милый, скучноватый педант. Фотография жены (супруга с явно избыточным весом) и двух дочерей-подростков стояла на столе в его кабинете. Он был весь погружен в свою работу, но все же не фанатик. В общем, с ним было приятно работать.

Дион бы его определенно одобрил.

Наверное, странно вот так мысленно советоваться с сыном, считаться с его вкусами и предпочтениями, как бы определяя тем самым свою линию поведения, но сына она уважала и его мнению доверяла. Несмотря на ее настойчивое стремление, – а надо отдать должное, она очень старалась – придавить его, подмять под себя, Дион каким-то образом превратился в личность, в юношу, твердо стоявшего двумя ногами на земле. Эйприл не только любила его, но и восхищалась им. Казалось, парень уже знал, кто он, куда и зачем идет. Она признавала тот факт, что по многим параметрам их отношения были полной противоположностью тому, какими они должны были быть. Она часто искала у него поддержки, совета, силы, которой сама не обладала, и ей это было приятно. Ей, но не ему – она это знала. Ему нужна была более нормальная мать, с которой он был бы по-настоящему счастлив. Они бы каждый вечер беседовали на кухне. По душам. Она бы готовила шоколадные пирожные с орехами и

давала ему советы, у нее были бы ответы на все случаи жизни, и она могла бы прекрасно организовать не только свою собственную жизнь, но и его тоже.

Но Эйприл не была такой матерью.

И уж определенно у нее самой такой матери тоже не было.

Иногда она пыталась вспомнить свое детство, но это было очень трудно, его эпизоды непременно смешивались с фрагментами различных телевизионных сериалов. А мать свою, которая отказалась от нее при рождении, Эйприл даже и не знала. Несколько раз ее пытались удочерить, и она переходила из одного дома в другой, от одной равнодушной приемной матери к другой, и везде с ней обращались плохо, постоянные нотации и брань превращались в сплошной скандал, который длился целый день. В конце концов в семнадцать лет ей удалось удрать из последнего прибежища, а в девятнадцать она уже сидела кассиром в банке в Омахе, будучи беременной Дионом.

Если точно взвесить на весах, то не так уж и плохо все получилось. По крайней мере жить на пособие ей не пришлось, зарплата всегда была приличная, но независимой, какой ей всегда хотелось быть, она, конечно, по-настоящему никогда не была. Всегда были мужчины, много мужчин, которые поддерживали ее материально, но они исчезали при любой ее попытке получить образование.

И конечно, было сделано много ошибок.

Огромное количество ошибок.

Колоссальных ошибок.

Кливленд. Альбукерк.

Но теперь все это позади. Здесь она попытается начать все по-новому, попытается извлечь уроки из прошлого. Легко не получится, она это знала. Это ведь как при выздоровлении от наркомании – кругом столько искушений. Но она должна проявить стойкость, думать только о будущем, и всегда... всегда на первом месте для нее должно быть благополучие Диона. Благополучие во всем. Вот что самое главное.

Мистер Адамс, ее начальник, пересек зал с несколькими папками в руках, которые передал ей.

– Это задолженность по работе, – сказал он. – От вашей предшественницы.

– Слава Богу, – ответила она, принимая папки. – А я-то все думала, чем бы заняться.

Он улыбнулся.

– Здесь об этом заботиться не следует. Как только вам нечем будет заняться, нужно просто подойти ко мне, и я найду что-нибудь для вас. Обязательно найду.

Эйприл вскинула на него глаза, и в поле ее зрения оказалось его золотое обручальное кольцо.

«Это что же такое? Он что, забрасывает наживку? А может быть, просто мне хочется ее взять?»

В этом она пока еще не была уверена.

Эйприл мило улыбнулась ему.

– Спасибо, – произнесла она, кладя папки на стол, – я зай-

мусь этим сейчас же.

* * *

Время после полудня тянулось медленно, особенно в отделе ссуд, и все задания мистера Адамса Эйприл удалось закончить еще до конца рабочего дня. Она разобрала бумаги, разложила их по нужным ящикам и приготовилась идти домой, когда услышала знакомый голос:

– Привет.

Подняв голову, она увидела одну из своих новых приятельниц, с которой познакомилась в тот вечер, когда пришла поздно домой и у них с Дионом завязалась перепалка. Имя этой женщины она сразу вспомнить не могла, да и не потребовалось.

– Я Маргарет, – сказала женщина. – Помнишь? Подруга Джоан Пингхорн.

– Конечно, помню. Привет. – Эйприл посмотрела на будку кассирши, но Джоан находилась либо в подвале, либо в задних комнатах, на месте ее не было. Эйприл повернулась к Маргарет. – И что привело тебя сюда? Пришла повидаться с Джоан?

– Нет, я пришла повидаться с тобой. – Маргарет села на кресло, отодвинув папки с ссудными делами. – Мы неплохо повеселились в тот вечер, не правда ли? Но ты с тех пор ни разу не появилась. Почему? Обычно после работы мы

заезжаем в «Красную террасу», чтобы немного расслабиться, прежде чем разойтись по домам, и хотелось бы надеяться, что ты станешь постоянным членом нашей компании. Ты нам всем очень понравилась, внесла в наше общение новую струю. В общем, нам с тобой показалось интересно. Я спрашивала Джоан о тебе, она сказала, что приглашала тебя, но ты отказалась, сославшись на занятость. Я пришла узнать, может, мы тебя тогда нечаянно обидели, или дело в другом.

– Нет.

– Так почему же ты нас избегаешь?

Эйприл смущенно пожала плечами.

– Видишь ли, я была занята на работе, и потом у меня сын.

Мы ведь только недавно переехали...

Маргарет кивнула.

– Да, да, я знаю, как это бывает. Когда мы только начинали наше дело, я просто света белого не видела. Вставала до рассвета, а домой приходила, когда солнце уже садилось. Работа – еда – сон. Это и была моя жизнь. – Она улыбнулась. – Но теперь я стала жить по-другому. Надо хоть немного расслабляться. Ну так как насчет того, чтобы сегодня после работы? Я вижу, ты уже почти закончила. Может быть, пойдем выпьем по паре рюмочек?

– Я не уверена, что смогу.

– Пошли. Нам будет хорошо.

Эйприл повернулась к столу, принялась сосредоточенно перебирать папки. Предложение было заманчивым, давле-

ние сильным. Она поняла, что ее приглашали не просто приятно провести время – за этим крылось нечто другое, более тонкое, – ее призывали стать членом этой симпатичной компании, подружиться с ними. Они ведь так понравились ей в тот вечер. Эйприл посмотрела на Маргарет. Чего тут долго размышлять, разве можно отталкивать новую подругу?

Но тут же она подумала о том, что Дион будет сидеть дома и ждать ее, беспокоиться. Что же это такое, черт возьми? Мать она или не мать? Разве можно оставлять его одного, а самой развлекаться допоздна?

А почему нет? Он что, ребенок, что ли? Уже совсем большой и вполне может сам о себе позаботиться.

– Хорошо, – сказала она.

Маргарет улыбнулась.

– Чудесно! – Она заговорщицки наклонилась к ней. – У меня есть интересные новости. Помнишь, я рассказывала тебе о том парне, который работает на стройке?

– Это тот, который...

– Ага. Так вот, это еще не все. – Она комически вскинула брови и встала. – Я вынуждена прерваться, мне нужно поговорить с Джоан. Встретимся через несколько минут у входа, хорошо?

– Хорошо. – Эйприл смотрела, как новая приятельница решительно проходит через зал к окошку кассы, где уже появилась Джоан. Они поговорили некоторое время, Джоан повернулась в ее сторону, улыбнулась и помахала рукой.

Эйприл взмахнула в ответ, посмотрела на телефон, подумав, что надо бы позвонить Диону и предупредить, что немного задержится, но номера не набрала.

Через пять минут банк закрылся.

Через десять минут все три уже были в машине Маргарет. Покатываясь со смеху над историей с парнем, который работал на стройке, они направлялись по Главной улице в сторону «Красной террасы».

Глава 13

Неделя пролетела в том причудливом ритме, типичном для всех школ, когда отдельный день тянется до безобразия медленно, а в целом время проходит необычайно быстро. Дион продумал несколько вариантов разговорных тем с Пенелопой, но в понедельник она не пришла, а ко вторнику его решимость поубавилась, если вообще не пропала. Они кивнули друг другу, обменялись приветствием, но робкие шаги к более близкому знакомству, сделанные в пятницу за обедом, те скромные достижения перед уик-эндом, похоже, возобновить не удалось. Они вновь были далеки друг от друга и ощущали неловкость. Они вновь – всего лишь одноклассники. Тем не менее в четверг Дион поймал ее взгляд, и это его безмерно развеселило.

С начала недели, когда Эйприл пришла домой почти в одиннадцать, Дион с матерью не разговаривал. На этот раз она действительно напилась, как в «старые добрые времена», – речь была бессвязна, язык заплетался, она говорила сама с собой. В тот вечер она его просто не замечала, все его попытки объясниться с ней остались без внимания. Он игнорировал ее, пытаясь наказать своим подчеркнутым молчанием, хотя это, похоже, не действовало. Наступившая в доме тишина расстраивала юношу больше, чем что-либо еще. Лучше бы мать разозлилась. Ситуация сложилась очень на-

пряженная, просвета впереди, кажется, не наблюдалось, и он с ужасом ожидал уик-энда.

После уроков Дион увидел Кевина. Тот стоял на автостоянке у красного «мустанга» и болтал с длинноволосым парнем, которого Дион не знал. Он намеревался прямым ходом направиться домой, но Кевин его окликнул и сделал приглашающий знак подойти. Дион подошел к ним.

Дождавшись, когда он приблизится, Кевин повернулся к нему.

– Итак, чем ты собираешься заняться сегодня вечером? Что будешь делать? Играть в карманный бильярд?

– Возможно. Я как раз недавно купил в киоске красивую картинку, девочка что надо.

Кевин засмеялся.

– Кроме шуток, если тебе нечего делать, поедem, покатаешься с нами. Кто знает, быть может, нам повезет, и мы найдем желающих путешествовать автостопом. – Он показал на номерной знак «мустанга». На тонком металле снизу было написано:¹⁵ «Даром никого не подвожу. Беру натурой: спиртное, травка или трахнуть». А чуть ниже приписка: «К сведению желающих: у меня всегда полный бак, и я не курю».

Дион засмеялся.

– Ну, так что скажешь?

– Не знаю.

¹⁵ В США принято делать на номерных знаках автомашин различного рода надписи, часто шутливой и даже непристойной характера.

– Стало быть, ты кладешь на нас, так надо понимать?

Дион размышлял совсем немного. Кевин предлагает поехать с ними. Подразумевается, что в машине, на заднем сиденье, они будут распивать бутылку и курить марихуану, а вот это ему было ужасно неприятно. Но, с другой стороны, Кевин его единственный приятель, больше у него никого нет, и обижать его не хотелось. Он посмотрел на длинноволосого парня, прислонившегося к капоту машины, и повернулся в Кевину.

– А куда вы собираетесь ехать?

– Мы собираемся повеселиться с отцом Ральфом.

– А кто этот отец Ральф?

– Епископальный священник.¹⁶

Длинноволосый парень осклабилсЯ.

– Это мой отец.

Дион покачал головой.

– Вообще-то мне бы хотелось, но не сегодня. Может быть, как-нибудь в следующий раз.

Кевин посмотрел на него.

– А что ты планировал на сегодня? Сидеть дома со своей мамочкой? Брось ты все это! Давай, поехали с нами, повеселимся.

Дион понял, что придется согласиться.

– Куда все же вы собираетесь ехать?

¹⁶ Епископальный священник – священник епископальной церкви, одной из ветвей англиканской церкви, распространенной в США.

– Увидишь, когда приедем, – ответил длинноволосый парень.

– Пол любит секреты, – объяснил Кевин, – любит, чтобы во всем присутствовал элемент сюрприза. Но я гарантирую, что все будет первый класс.

– Надеюсь, это не что-нибудь противозаконное?

– Пошел он куда подальше, – сказал Пол. – Этот парень пентюх, давай оставим его в покое.

– Нет. – Кевин решительно встал рядом с Дионом. – Я поеду только с ним.

– Хорошо, хорошо, все в порядке... – начал Дион.

– Нет, не в порядке. Ты что, хочешь сидеть дома со своей мамочкой и смотреть этот чертов телевизор, пока мы будем развлекаться с отцом Ральфом и заниматься поиском честных давалок?

Диону хотелось ответить «да», но он произнес:

– Нет.

– Чудесно. – Кевин кивнул Полу. – Мы встретимся с тобой в девять в «Бергер Кинге».

Снисходительно улыбаясь. Пол пожал плечами.

– Хорошо, увидимся там.

Он сел в «мустанг» и завел машину, а Дион с другом направились в противоположный угол стоянки к «тойоте» Кевина.

– Этот парень местами мудака, но в общем и целом с ним дело иметь можно. Ты к нему привыкнешь.

– А вы с ним часто вот так... чудите? – Сейчас не так часто, как прежде.

– А почему он так ненавидит своего отца?

– Он его не ненавидит. Просто... хм, словом, это длинная история. – Они дошли до машины, Кевин достал ключи и открыл дверь. – Сейчас мы поедem к тебе, и ты сообщишь матери о своих планах, затем мы смотаемся ко мне домой.

– Хорошо, – сказал Дион. – Согласен.

– Впрочем, можешь мать не предупреждать. Тоже хорошо. Отплати ей. Пусть она немного испугается, пусть подождет на сей раз тебя.

– Мне бы хотелось так сделать, но лучше не надо.

– Тебе решать, – сказал Кевин.

Они влезли в машину, и Кевин вставил ключ в гнездо зажигания.

– Ремень.

Прежде чем Дион успел это сделать, они отъехали.

* * *

Комната Кевина выглядела необыкновенной. Такие ему приходилось видеть только в кино. Стены были оформлены причудливо и с фантазией: обклеены, возможно, подлинными плакатами старых фильмов ужасов вперемешку с металлическими знаками различного назначения – дорожными указателями с названием улиц, этикетками от коки. С потол-

ка свисала красочная реклама сэвен-ап. Над внушительных размеров кроватью с водяным матрасом висели полки, заполненные большим количеством компакт-дисков и кассет, стоявших в два ряда. Рядом с телевизором, установленным прямо на полу, возвышался светофор, на котором последовательно переключались сигналы – зеленый-желтый-красный, а около него располагался настоящий рекламный щит магазинов Бартли и Джеймса. Дион, пораженный, остановился у двери.

– Ого.

Кевин усмехнулся.

– Клево, да?

Дион вошел в комнату.

– И где ты все это достал?

– Да уж постарался.

– Ты их...

– Украл, ты хочешь сказать? Нет. Это сделал мой дядя. Не все, правда. Только кое-что из этого. Он работал в департаменте транспорта в Сан-Франциско, но его оттуда турнули под задницу. Прежде чем уйти, он прихватил с собой пару сувениров. – Кевин засмеялся, показывая на светофор. – Не знаю, как ему удалось это заполучить.

– Как здорово!

– Ага. – Кевин смахнул со столика в горсть кучку монет, а также небольшую пачку банкнот. – Пошли, пора отваливать.

– Я думал, мы не сейчас поедem, ведь встреча назначена

в девять.

– Да, но я не хочу здесь околачиваться весь вечер. Мы найдем, чем заняться. Пошли.

Все закончилось тем, что они просто поехали вперед без всякой цели. Дион спросил, где находится винный завод семьи Пенелопы, и Кевин повез его по узкой дороге, которая шла вдоль подножия невысоких гор на выезде из города. Он остановил машину на мгновение, показав на большие белые ворота из сварной стали.

– За этими стенами находится территория тех, кто любит чавкать друг друга в пиписку.

Дион попытался хоть что-то рассмотреть по другую сторону ворот, но уже было темно, а фонари зажжены не были. Единственное, что ему удалось разглядеть, – это какие-то здания, смутно вырисовывающиеся на фоне темнеющих гор.

Они проехали мимо еще раз, но ничего не заметили.

– Брось ты, – сказал Кевин. – Никого там нет. Кроме того, нам лучше поторопиться. Пол, наверное, ждет.

«Бергер Кинг» был взят как будто прямо из «Американских граффити».¹⁷ Сверкающее хромом и никелем заведение, с полами, выложенными плиткой, где клиентов обслуживали прямо в автомобилях. Официанты все одеты в униформу. Пол, разумеется, уже ждал, а с ним трое парней, которых Дион видел впервые. Они сидели рядом с Полом на

¹⁷ «Американские граффити» – фильм Джорджа Лукаса, повествующий о жизни старших школьников в Северной Калифорнии, которые начинают взрослеть.

капоте «мустанга». Когда Дион с Кевином вылезли из машины, Пол ослабился.

– Кого я вижу, да это же наши знаменитые приятели, друзья-педики.

Кевин слегка хлопнул его по спине.

– А ты что, уже начал ревновать?

Пол засмеялся и спрыгнул с капота.

– Клево, значит, все собрались. Готов поутюжить асфальт?

– Ага, – сказал Кевин.

– Отлично. Нам, наверное, на этот раз лучше поехать на двух машинах. – Он многозначительно посмотрел на Диона. – Народу слишком много.

– Хорошо, я поеду за тобой, – безразлично произнес Кевин.

– Увидимся на месте.

Две машины быстро тронулись по улицам Напы, снижая скорость до разрешенной только у известных мест, где устраивала ловушки дорожная полиция, то есть у тех перекрестков, где парни в голубом сидели и ждали, чтобы подловить ничего не подозревающих водителей. Торговые кварталы сменились жилыми, яркие огни рекламы уступили место слабому свету, в основном из освещенных окон домов. Расстояния между домами увеличились, дорога стала более извилистой, начинался пригород. Наконец «мустанг» затормозил перед большим дубом, густые массивные ветви которого

свисали на тротуар.

Пол подождал, пока его приятели выйдут из машины, затем вылез сам. В руках у него был коричневый продуктовый пакет.

Дион и Кевин встретили их на половине пути между двумя машинами.

– Надеюсь, вам одежды не жалко, – сказал Пол. – Похоже, придется немного поваляться в дерьме. – Он сделал жест в сторону двухэтажного здания в викторианском стиле по другую сторону дуба. – Мой старик расположился лагерем в гостиной, в задней части дома, и, чтобы добраться до окна, нам придется продирааться через деревья и кусты.

Все кивнули в знак понимания.

– Давайте сделаем это быстро. – Пол нырнул под дерево и исчез в темноте, а остальная четверка последовала за ним. Идти в темноте Диону было неудобно, но Пол, несомненно, знал дорогу. Он стремительно двигался между деревьями, огибая кусты, пока перед ними внезапно не обозначилась задняя сторона дома.

Они низко пригнулись и полезли между ветвями олеандрового дерева. Сквозь просвечивающиеся шторы, закрывающие большое двойное окно, было видно мерцающее голубое сияние телевизора и рядом неясные контуры мужской фигуры.

– А что, собственно, мы должны делать? – прошептал Дион.

– Увидишь, – осклабился Пол. – Пошли. – Он начал крадучись пробираться через кусты. Остальные следовали за ним, пока все не оказались прямо под окном. Приложив палец к губам, Пол открыл пакет. Внутри был предмет, над изготовлением которого он трудился все время после обеда.

Огромный пенис, вылепленный из глины.

Диону было трудно удержаться от смеха. Этот гигантский фаллос Пол водрузил на оконный карниз и, ухмыляясь, оглядел всех по очереди.

– Будьте готовы поднять бузу, – прошептал он.

В груди у Диона сильно застучало сердце. Он и представления не имел, какую цель преследует Пол, что он собирается делать. Но глядя на предмет, силуэт которого вырисовывался на фоне освещенного окна, ему хотелось расхохотаться.

– Ни звука, – предупредил Кевин.

Внезапно Пол выпрямился и двумя кулаками постучал в окно. В вечерней тишине стук этот прозвучал, как взрыв.

– Пососи меня, отец Ральф! – завопил он что есть сил.

Остальные ринулись прочь, рассеявшись в темноте.

Дион нырнул под куст рядом с Кевином. Он увидел, как раздвинулись шторы, священник выглянул и, увидев глиняный член, замер в шоке. Через несколько секунд с шумом распахнулась входная дверь.

– Я вас достану, подонки! – закричал отец Ральф. В руке у него была бейсбольная бита, которой он угрожающе разма-

хивал.

– Пососи меня, отец Ральф! – подал голос Пол из-за куста. Остальные дружно подхватили:

– Пососи меня, отец Ральф!

– Пососи меня, отец Ральф!

– Пососи меня, отец Ральф!

Дион засмеялся.

– Пососи меня, отец Ральф! – закричал он.

Священник побежал к ближайшему кусту, на звук голоса Пола.

– Спасаем задницы! – крикнул Кевин, и все пятеро побежали к машинам. Только кусты трещали.

– Я сейчас вызову копов, – кричал священник им вслед.

Когда они выскочили на улицу, сердце Диона колотилось так, как будто было готово выпрыгнуть из груди. И он все еще продолжал смеяться.

– Вот это здорово!

– Сматываемся! – приказал Пол, вскакивая в свою машину. – Следуйте за мной!

– Поехали! – сказал Кевин.

Дион вскочил на сиденье рядом. Он не помнил, чтобы ему приходилось так веселиться. Такое случается только в фильмах. И уж определенно в его жизни подобного никогда не было.

Взвизгнули шины. Это два автомобиля одновременно рванули с места.

Когда Дион возвратился домой, огни все были погашены, хотя мамина машина стояла на своем обычном месте.

А рядом стоял красный «корвет».

Дион быстро глянул на исчезающие вдали огни стоп-сигналов машины Кевина. Слишком поздно. Он развернулся кругом.

«Ничего не случилось, – сказал он себе. – Она просто пригласила новую приятельницу, чтобы поболтать. Всего лишь поболтать. Вот и все».

Но если это так, то почему же везде погашен свет?

Осторожно ступая по гравиевой дорожке, на цыпочках он подошел к входной двери. Она была заперта, но у него был ключ. Он вытащил бумажник, достал ключ из кармашка позади банкнот и открыл дверь.

Теперь уже было совершенно ясно, что мать в своей спальне.

И не одна.

Он стоял не двигаясь. Значит, это все-таки оно. То самое. Она начала все сначала. А еще лапшу на уши вешала насчет того, что переворачивает новую страницу в своей жизни. Говорила и сама не верила ни одному своему чертову слову.

Значит, опять придется сматываться из этих мест. Куда же на сей раз?

И как скоро все это случится? Сколько пройдет времени, прежде чем она все здесь к черту поломает и ее опять выгонят с работы?

Он начал осторожно красться по деревянному полу к своей комнате. Двигался беззвучно, этому он научился уже давно. В застоялом воздухе чувствовался едкий запах виски. Как ему хотелось сейчас быть одним из тех крутых, которым все безразлично, которые могут просто плыть по течению и принимать вещи такими, какие они есть. Но он не был одним из таких, просто не мог.

Дион закрыл дверь своей комнаты, снял одежду и забрался в постель. Громкая беседа двух нетрезвых людей, обрывки которой он мог слышать вначале, когда вошел в дом, сейчас превратилась в нечто другое. Через тонкую стенку был отчетливо слышен гулкий скрип кроватных пружин, который сопровождался короткими высокими захлебывающимися нотками вскриков. Скоро мать начнет свою традиционную ночную серенаду: «О Господи, как мне хорошо! Какой ты хороший!.. Ты такой хороший!.. Да!.. Да!.. Хороший! О Господи!.. Ты такой... О Господи, ты такой большой!.. О Господи!» Он знал это все наизусть. Это никогда не менялось. Мать никогда не называла имен мужчин, которых приводила в дом, и он бы не удивился тому, что она просто их не знала.

Дион накрылся одеялом с головой и заткнул уши, пытаясь хотя бы приглушить звуки, но куда там. Вопли становились

громче. «Это что, она так получает удовольствие? – размышлял он. – Эти выкрики что-то значат, она действительно так чувствует, или это просто ритуал, часть действия?» Он до сих пор не мог этого понять.

Закрыв глаза, он попытался сконцентрировать свое внимание на чем-нибудь другом, отвлечься от представления, разыгрывающегося в соседней комнате, но это было невозможно.

Сейчас он ненавидел свою мать.

Говорят, тинейджеры бунтуют против родителей, сознательно отказываясь от их системы ценностей в попытке сохранить свою собственную индивидуальность. Это звучит хорошо, но только на уроке психологии, а в действительности он совершенно не ощущал себя восстающим против чего-либо. Тем не менее у него были серьезные подозрения, что его постоянная неловкость и напряженность в общении с людьми, в особенности с девушками, есть реакция на «слишком свободный, до чрезвычайности» стиль жизни его матери.

Может быть, именно поэтому он до сих пор не имел ни с кем сексуальной близости.

Разумеется, Дион не признался бы в этом открыто, не поделился бы даже с Кевином, но это было правдой. Достаточно того, что он осознавал это. При этом юноша убеждал себя, что это даже хорошо, что лучше подождать, когда найдешь человека по душе, но ведь это было только оправданием, и

он знал это. Конечно, прекрасно, что у него такие высокие моральные принципы. Он слегка успокаивал себя тем, будто он сознательно принял решение поступать именно так, но на самом деле он был такой же, как все остальные. Он никогда бы не отказался от секса, ухватился бы за это с радостью, если бы такой шанс представился.

Только такого шанса никогда еще не было.

Да к тому же, может, он бы и не воспользовался представившейся возможностью. Совсем не обязательно. Существует мнение, что дети так называемых либеральных родителей в вопросах секса чувствуют себя много свободнее, но Дион по себе знал, что не в этом дело. Напротив, зная интимную жизнь своей матери во всех деталях, он чувствовал отвращение к сексуальному акту, он отторгал его от себя, вместо того чтобы испытывать восторг и гореть желанием. А кроме того, сравнивая пошлые утренние реплики матери с восторженными ночными стонами, молодой человек приходил в ужас.

– Ты такой хороший! – снова раздалось из соседней комнаты. – Такой большой!

Он еще плотнее зажал уши и так уснул.

* * *

Дион проснулся среди ночи, чтобы сходить в туалет, и вышел в коридор, где... столкнулся с маминым «гостем».

И в испуге отскочил назад.

– Извини, – произнес «гость» сонно, ухватив Диона за плечи. – Я тебя не заметил.

Он выглядел очень неплохо – как все они, разве не так? – высокий, мускулистый, с черными, густыми, курчавыми волосами и с красивыми усами. Он был совершенно голый.

Дион смотрел, как он вошел в спальню матери и закрыл за собой дверь.

Утром он, видимо, ушел, поскольку, когда Дион проснулся и вышел на кухню к завтраку, мама была уже там, читала газету и пила кофе. Она подняла на него глаза, делая вид, что ничего чрезвычайного не произошло. Как будто абсолютно ничего не случилось.

– Во сколько ты пришел вчера вечером? – спросила она бодрым голосом.

– Около одиннадцати, – ответил он.

Он прошел к столу, отрезал два кусочка хлеба от лежавшего там батона, опустил их в тостер и нажал ручку вниз.

– Ну и как повеселился?

«Ну а ты?» – хотел спросить он, но просто кивнул и достал из холодильника масло.

– Ночью мне было трудно уснуть, – многозначительно добавил он. Мама, похоже, пропустила это замечание мимо ушей, и он налил себе стакан апельсинового сока.

Сегодня мать была с ним мила, все следы враждебности последней недели исчезли, но почему-то он чувствовал от

этого себя даже хуже. Он вспомнил приятеля, оставшегося в Аризоне, который всегда повторял, что девушки обращаются с ним как с грязью и все, что им нужно, так это «хорошо потрахаться».

Его гренки выскочили из тостера, он намазал их маслом и сел за стол напротив мамы. Она улыбнулась ему.

– Чем ты хочешь заняться сегодня?

– Не знаю, – пробормотал он.

Она открыла страницу в газете, где были объявления о развлечениях, и углубилась в чтение.

– Мы сейчас найдем что-нибудь.

Продолжая медленно жевать, он кивнул.

Эйприл читала, а сын смотрел на нее. Его взгляд вдруг сконцентрировался на маленьком красном пятне на правом рукаве ее халата.

Это было похоже на кровь.

Глава 14

Лейтенант Хортон рассматривал то, что осталось от Рона Фаулера.

Рассматривал его останки.

С большим трудом это месиво из кровавого мяса и костей, которые были разбросаны по цементному полу, можно было назвать человеческим телом. Все это выглядело как объедки, остатки трапезы какого-то гигантского чудовища, которое, не прожевав до конца, выплюнуло свою пищу изо рта.

Он отвернулся, потому что в желудке начались спазмы. Вспыхнул свет – фотограф сделал очередной кадр. Хортон отошел немного назад, довольный по крайней мере тем, что здесь установили несколько вентиляторов, которые хоть как-то разгоняли зловонный запах.

– И как по-вашему, он давно мертв? – спросил он, повернувшись к следователю.

– Пока не произведена экспертиза, сказать трудно, но я предполагаю, дня два. От силы три.

Джек Хэммонд, детектив, присланный ассистировать Хортону в расследовании, продолжал допрашивать Джоверта Паулинга, полного коротышку, владельца завода.

– Как получилось, что вы не заметили этого два или даже три дня?

– Что значит «как получилось»? Не заметили, и все.

– Но машина Фаулера все это время находилась на стоянке.

– Что вы хотите от меня услышать? – Лицо коротышки стало красным. – В это время года у нас самая напряженная работа. Когда мы приехали утром, Рона здесь не было. Мы решили, что он уже ушел. Вечером он не появился, и нам пришлось вызывать охранника, чтобы его заменить. Но как только стало известно, что он пропал, мы немедленно позвонили вам.

– И что же, никто не заметил тело? Никто, несмотря на все ваши камеры и мониторы?

– В пещере камера не установлена. Мы как раз собирались забрать ее из ремонта. Но в это время года мы особенно не проверяем пещеру, не чаще раза в неделю. Вино бродит без нашего участия.

Хортон снова посмотрел на останки, потом отвернулся. Закрыв на секунду глаза, он попытался силой воли остановить головную боль, зарождающуюся где-то сразу за бровями у висков, зная, что ее можно снять только двойной дозой сильного аспирина.

Нет, для такого дерьма он становится слишком старым.

В соседнем цехе дистилляции собралась группа рабочих. Они мерили шагами цементный пол и мрачно поглядывали в сторону пещеры. Хортон увидел приближающегося шефа, Гудриджа, рядом шел капитан Фернер. Оба молча ему кивнули.

– Ну, так что здесь стряслось? – произнес капитан, доставая блокнот.

Хортон кратко изложил то, что ему было известно. Оба, Гудридж и Фернер, слушали не прерывая, не задавая никаких вопросов, хмуро взирая на кровавое месиво.

– Какие-нибудь версии? – проговорил шеф после небольшой паузы.

Хортон пожал плечами.

– По характеру преступления можно предположить, что мы имеем дело с отправлением какого-то культа, связанного с жертвоприношениями в виде животных и людей, хотя, как вы сами можете видеть, на месте преступления куда больше беспорядка, чем бывает после обычных ритуальных действий. Когда я вернусь в управление, то первым делом проверю на компьютере всех наших местных чокнутых, а Хэммонд опросит рабочих завода.

Шеф кивнул.

– Я хочу только, чтобы вы держали все это в строгом секрете, насколько это возможно, – сказал он. – Если газетчики пронюхают, они раззвонят повсюду и, конечно, все преувеличат...

– Что значит «раззвонят, преувеличат»? – спросил Паулинг, подходя к ним. – Что тут можно преувеличить? Тот факт, что на мой завод проникли сатанисты? Что они пили мое вино и в цехе брожения совершали жертвоприношения с животными? Или то, что они убили, да не просто убили, а

разорвали на части моего охранника?

– Из этой истории легко раздуть сенсацию, – начал шеф.

– Это и есть сенсация! Господи, что вы собираетесь делать? Замять все это, сделать вид, что ничего не случилось? Но это случилось! И случилось на моем заводе! Мои чертовы ботинки перепачканы этой чертовой кровью и оставляют следы на этом чертовом полу. – Он наставил указательный палец на шефа. – Плевать я хотел, пронюхают про это газетчики или нет. Единственное, что мне надо, – это чтобы вы поймали эту мразь.

– Значит, вам плевать? – усмехнулся шеф. – А как же пойдет ваша торговля, когда покупатели узнают, что сатанисты для своих ритуалов облюбовали ваш завод?

– Джентльмены, – вмешался Хортон, почувствовав нарастающее напряжение, – спорить бессмысленно. Мы все хотим одного и того же. Нам нужно задержать тех, кто это сотворил, и поэтому я думаю, лучше всего действовать в согласии.

Шеф холодно посмотрел на него.

– Я не нуждаюсь в ваших советах, лейтенант. Представьте, я и без вас знаю, как себя вести при расследовании.

Хортон согласно кивнул, проглотив реплику, которая чуть не сорвалась с его губ. Она касалась в основном матери шефа. На секунду его ослепила вспышка фотографа, он зажмурился, а когда открыл глаза, то снова увидел бранные останки охранника, а среди них лоскут, оторванный от рубахи и вымокший в крови, который трепыхался на ветру, поднима-

емом вентилятором. Хортон снова отвернулся.

«Да, – уже не в первый раз подумал он, – стар я становлюсь для такого дерьма. Стар».

Глава 15

– Ариадна, – проговорил мистер Холбрук хорошо поставленным голосом, вышагивая перед классом, – была принцессой Фив, и она...

– Крита, – сказал Дион.

Учитель замолчал, перестал ходить и уставился на него. Взгляды остальных проследовали за учителем.

– Что? – спросил мистер Холбрук.

– Крита, – робко повторил Дион. – Ариадна была принцессой Крита. А вы сказали Фив. – Он был смущен и смотрел вниз, на парту, на свои руки, уже жалея, что выскочил с этой поправкой. И зачем это нужно было вылезать, исправлять оговорку преподавателя? А кроме того, он не понимал, откуда ему стало известно, что учитель сказал неправильно.

Мистер Холбрук кивнул.

– Ты прав, Дион, я действительно ошибся. Спасибо.

Урок продолжился.

Двадцать минут спустя прозвенел звонок. Учитель, который в это время что-то писал на доске, прервался на середине предложения и начал вытирать с пальцев мел. Школьники вскочили и заторопились к двери, захлопывая на ходу книги и рассовывая по карманам ручки.

Мистер Холбрук обернулся.

– Дион, – сказал он, – задержишься на минутку, я хотел бы

с тобой поговорить.

У выхода из класса галдели ребята.

– Я подожду в коридоре, – сказал Кевин, проходя мимо.

Дион поймал взгляд Пенелопы, и на душе у него потеплело.

Когда класс опустел, преподаватель подошел к своему столу и сел на вращающийся стул. Откинувшись назад и сцепив пальцы, он посмотрел на Диона.

– Должен отметить, – произнес он, – что у тебя весьма глубокие знания по классической мифологии.

Дион неловко переминался с ноги на ногу.

– Не думаю, что очень глубокие.

– Да нет же, именно очень. И я хочу, чтобы ты знал: для тебя можно организовать свободный график занятий по этому предмету. На моих уроках тебе скучно, это совершенно ясно. Это ведь всего лишь вводный, обзорный курс для начинающих. Я думаю, тебе следует проработать углубленный курс.

– Нет, – быстро ответил Дион.

– Не торопись. Подумай над этим. Я не знаю, какие у тебя планы на будущее, но могу заверить: это мероприятие существенно улучшит показатели в твоём транскрипте.¹⁸

Через приоткрытую дверь из коридора доносились обрыв-

¹⁸ В США не существует единой школьной программы. Транскрипт – официальный документ, выдаваемый по окончании школы, где записано, какие предметы прослушаны, в каком объеме часов и с какими оценками.

ки разговоров, крики, хлопанье дверей шкафчиков. Звуки, возвещающие о том, что пришло время обеда. Дион беспокойно посмотрел в сторону двери.

– Хорошо. Я подумаю об этом.

– Обсуди это со своими родителями. Скажи им, я считаю, что на этом курсе ты просто теряешь время.

– Я обсужу, – сказал Дион, пятась. – Я передам. – Он поднял с крышки парты свои вещи.

Мистер Холбрук улыбнулся.

– Понимаю, сейчас время обеда. Иди. Иди скорее. Но обещаю мне, что ты обдумаешь эту возможность, хорошо? Более подробно мы поговорим об этом позднее.

– Хорошо, – пробормотал Дион. – Хм... спасибо. До свидания.

Он вышел из класса. В холле, у одного из шкафчиков, стояли Кевин, Пенелопа и ее подруга Велла. Дион чувствовал, что они говорили о нем, и это делало его невероятно счастливым. Он поторопился к ним, но Пенелопа, увидев его, только помахала рукой, кивнула Кевину, и они с подругой исчезли в людском потоке, струящемся по коридору по направлению к кафетерии.

– В чем дело? – спросил он Кевина.

– Ты что, ревнуешь?

У него и в мыслях такого не было.

– Не беспокойся, – засмеялся Кевин. – Она твоя, с потрохами. Я не собираюсь ее кадрить. Просто поговорил, вот и

все.

Дион усмехнулся.

– Конечно, ведь тебе нужна ее подруга. Верно?

– Что верно, то верно. Тут ты попал в точку. А теперь пошли. Мы и так опаздываем, сейчас там уже полно народа.

Они двигались к кафетерию, прокладывая себе путь через толпу.

Дион стоял в очереди за Кевином и силился расслышать, о чем рядом говорят двое парней спортивного вида. Это были откровения явно сексуального свойства. Кто-то легко тронул его за плечо. Все его тело сразу же покрылось мурашками. Он обернулся.

Это была Пенелопа (как он и надеялся и одновременно боялся). Только сейчас Дион обратил внимание на восхитительную нежность ее кожи и естественный яркий цвет губ. Она улыбнулась, и в ее глазах он разглядел смутный намек на участие.

– Что там у тебя случилось с мистером Холбруком? – спросила она. – Какие-нибудь неприятности?

Дион изучал ее лицо. Это ее заботит? Ее это интересует? Его ладони вспотели, и он вытер их о джинсы.

– Он сказал, что мне нужно пройти углубленный курс мифологии, но, поскольку такого здесь нет, он предлагает свободный график обучения, – произнес он, стараясь не выдавать голосом волнения.

Ее озабоченность переросла в тревогу.

– И ты согласился?

Это ее интересовало.

– Нет, – улыбнулся он.

Густая краска начала распространяться по ее щекам.

– Это только... я имела в виду... хм, я...

Кевин просунул свою голову между ними.

– Ты ей нравишься, вот в чем дело. Ну, что молчишь? Ведь правда? Господи, почему бы не взять и не сказать прямо?! Я устал от всего этого. Сначала я наблюдаю, как вы ходите вокруг да около, причем не меньше полутора часов, затем всю оставшуюся неделю мне приходится выслушивать его предположения, что бы твои намеки означали. Ты ему нравишься. Он тебе нравится. Вы оба нравитесь друг другу. Зачем же это скрывать? Кому это надо?

Теперь и Дион, и Пенелопа покраснели и сконфузились. Они стояли молча, не глядя друг на друга, не зная, что сказать.

– Может быть, ты сядешь с нами? – спросил Кевин. Вопрос этот, разумеется, должен был задать Дион.

Пенелопа бросила взгляд на Диона.

– Я собиралась сесть с...

– Ну так приведи ее с собой, – сказал Кевин и сделал им знак двигаться вместе с очередью. – И давайте пошевеливаться. Мы задерживаем движение. – Помолчав немного, он добавил: – И пожалуйста, скажите, могу я еще что-нибудь для вас сделать?

Дион и Пенелопа одновременно посмотрели на Кевина, затем друг на друга и засмеялись.

Пенелопа заплатила за обед и пошла за Веллой, которая приносила еду с собой из дома. Девушки присоединились к Диону и Кевину за столом в том углу, где обычно обедали старшеклассники. Вначале инициатива в разговоре принадлежала Кевину, он очень грамотно втянул всех троих в дискуссию, но вскоре компания разделилась: Кевин принялся оживленно что-то обсуждать с Веллой, а Дион остался как бы один на один с Пенелопой.

Он быстро выпил свою коку, едва прикоснувшись к гамбургеру. Взгляд его был прикован к Пенелопе. Он ожидал, что разговор у них будет скованный, наполненный банальными штампами, вопросами типа «что ты больше всего любишь из еды?», «из музыки?», «из фильмов?», «а я вот то-то и то-то». Собственно, поначалу так и было, но потом все как-то пошло естественно, органично, без принужденности или фальши. Им не приходилось заниматься лихорадочными поисками предмета для разговора – а он очень этого боялся, – получалось как раз наоборот: каждый вопрос, каждый ответ, каждое замечание, каждый намек открывал для обсуждения все новые и новые темы. Проблемы, которую поднял Кевин, они, конечно, не касались, но у Диона почему-то все время сильно пульсировала в висках кровь.

Обед кончился до обидного быстро.

Прозвенел звонок на шестой урок. Кевин встал, выбросил

мусор, оставшийся от обеда, в металлическую урну и, пома-
хав на прощание рукой, скрылся. Велла тоже поднялась и
убрала остатки еды, ожидая подругу на почтительном рас-
стоянии. Все ребята вокруг торопились в свои классы.

Пенелопа бросила взгляд на Диона и отвела глаза.

– Что ты сегодня делаешь после уроков?

– В общем, ничего особенного. А почему ты спрашива-
ешь?

– Просто я подумала, что мы могли бы вместе позанимать-
ся. Дело в том, что я плохо справляюсь с мифологией. А с
этими титанами и олимпийцами вообще разобраться не мо-
гу. – Она улыбнулась. – Ну а поскольку ты в этом вопросе
большой специалист, я решила обратиться за помощью к те-
бе.

У нее не было никаких проблем ни по одному предмету,
в том числе и по мифологии, и он это знал, но игру, разуме-
ется, поддержал.

– Хорошо, – ответил он.

– Может быть, встретимся в библиотеке?.. – Она на мгно-
вение задумалась. – Или, еще лучше, давай пойдем ко мне
домой. Там, конечно, не так тихо, как в библиотеке, но зато
намного удобнее.

– Конечно, – согласился он. – Я с удовольствием.

– У тебя есть машина?

Он смущенно покачал головой.

– Нет.

– Прекрасно. У меня тоже нет. Зато автобус идет прямо до нашего дома. Поедем на автобусе. А вечером одна из моих... ну, я хочу сказать, моя мама отвезет тебя домой.

– Пошли, – подала голос Велла. – Мы опаздываем.

Дион улыбнулся.

– Ты опоздаешь.

– Мы оба опаздываем.

– Значит, где встречаемся?

– После занятий у входа в библиотеку.

– Я буду там.

– Тогда до встречи.

Она поспешила к Велле, и обе девушки скрылись в холле.

Прозвенел второй звонок, а он все стоял и смотрел им вслед.

* * *

В автобусе разговор не клеился. Не то что за обедом. Дополнительную неловкость, видимо, создавало отсутствие Кевина и Веллы. То напряжение, которое существовало между ними прежде и которое им как-то удалось преодолеть за обедом, теперь выступило на первый план. Сейчас уже невозможно было поддерживать иллюзию, что они всего лишь одноклассники, просто едут вместе позаниматься. Вся их беседа сводилась к быстрому обмену репликами – короткие, неуклюжие вопросы и столь же короткие ответы. Тем не ме-

нее их тяга друг к другу победила, и к тому времени, когда автобус затормозил перед воротами винного завода, они были уже чуть ли не приятелями, во всяком случае, вели себя так, как будто не стесняются друг друга.

Автобус медленно отъехал, а Пенелопа открыла ключом небольшой черный ящик, прикрепленный к низкой перекладине рядом с воротами, и быстро нажала на маленьком пульте серию кнопок. Затем закрыла ящик, и огромные ворота с низким рокочущим шумом поползли в сторону.

– Пошли, – улыбнулась она.

Дион вошел вслед за ней в стальные ворота, и они двинулись дальше по извилистой мощеной дорожке, обсаженной с обеих сторон деревьями, которые служили естественным забором. Однако вскоре дорожка оборвалась, и перед ними открылся виноградник – далеко вперед простирались параллельные ряды кустов, подпертых колышками. В дальнем конце этого огромного двора он увидел дом Пенелопы и примыкающие к нему заводские здания.

Дион присвистнул.

– Здорово!

Пенелопа усмехнулась.

– Я никогда ничего подобного не видел, – вырвалось у него.

Высокие ионические колонны, которые окаймляли перистиль,¹⁹ отделяли винный завод от автомобильной стоянки.

¹⁹ Перистиль – прямоугольный двор, площадь, окруженная со всех четырех

Позади нее были видны три заводских здания в неоклассическом стиле, располагавшиеся ступенями. Все, однако, было выполнено очень по-современному. Когда они подошли ближе, он смог разглядеть встроенные металлические корпуса кондиционеров, зеркальные оконные стекла, двери служебных помещений с кодовыми замками, но издали комплекс выглядел, как часть греческого античного города, расположившегося на вершине холма. Дом отличался от заводских зданий: он был выстроен в колониальном стиле, типичном для Америки, но с определенными элементами античной архитектуры, поэтому не портил общего приятного впечатления.

сторон крытой колоннадой; такой двор являлся составной частью многих античных жилых и общественных помещений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.